

Вовка и лунатик

Синописис

На Земле терпит крушение ракета. Космонавт-лунатик обращается за помощью к детсадовцу Вовке. Вовка, оставаясь собой и одновременно приняв облик взрослого, в разных областях труда и под руководством лунатика пытается заработать деньги для исправления последствий аварии. Какие только профессии не пришлось освоить Вовке-Владимиру! Санитара, кондитера, строителя, милиционера и даже таксидермиста! Книжка не несет целей привить ребенку специальных знаний или навыков, она просто очень добрая и смешная.

Не надо чистить уши!

- **Вовка, выручай!** - услышал Вовка тоненький-тоненький писк и завертел во все стороны головой.

Никого!

- Ну, чего, согласен? – опять пропищал кто-то прямо под ухом. – Если помочь не хочешь, так и скажи, кого-нибудь другого попрошу.

Чудеса, да и только! В садике – тихий час, все дети спят в своих кроватях, хотя, может не все? Может, Женька Артемьева, пискля, притворяется: глаза закрыла, отвернулась к стенке и выводит тоненько, Вовку пугает? Да нет, непохоже -Артемьева через две кровати лежит.

Вовкиным соседям так ни за что не пропищать. Тимур лежит лицом кверху, видно, что губы у него не шевелятся. Басовитый Димка отпадает тоже: если группа такое представление к празднику готовит, где есть медведь, все знают – эта роль ему достанется. Славик Милин храпит, как всегда. У него в носу что-то растет ненужное, дышать мешает. Славка все хвастался, что скоро будет настоящую операцию делать, под местным наркозом, и врал, что ни капельки не боится. А потом стал по утрам садик прогуливать, и выяснилось, что никакой операции не будет, ходит Славик в поликлинику, где ему эту гадость в носу рассасывают каким-то новым методом. Да, лучше бы он старым методом воспользовался – отрезал и все! А то пока, видно, не очень-то рассасывается – вон какой храп стоит! – а потом, может, что не то рассосется.

- Ладно, ты подумай пока, после тихого часа ответ дашь, - снова запищало в ухе.

Вовка испугался, что он, наверное, сходит с ума, и от страха заснул.

После тихого час никто в ухе не пищал, наверное, Вовка сразу отрубился, и все ему приснилось. А может, правда с ума сошел, только чуть-чуть, ненадолго, а теперь поправился. Но за полдником, когда Вовка только-только откусил кусок сырника, в ухе снова зазвенело:

- Ну, чего надумал?

Вовка чуть не подавился сырником и громко заявил:

- Когда я ем, я глух и нем!
- Ну и ешь себе! – отозвалась нянечка баба Люда, хотя, сидя во время еды за отдельным столом с воспитателями, сама всегда болтала.
- Понял, не дурак, - запищало в ухе, - выхожу на связь после полдника.

Вовка старался есть медленно, кусал по маленькому кусочку, жевал долго, но сырник все равно кончился. Вовка, вздохнув, последним встал из-за стола и пошел в игровую комнату. Там он выбрал самую непопулярную в группе игрушку – тряпчатого зайца без левой лапы и уединился с ним в уголке. Теперь точно никто не подойдет и не пристанет: «Давай вместе играть!», и можно спокойно все выяснить.

- Ну, где ты, пищалка? – набравшись храбрости и, глядя в стеклянные глаза зайца, прошептал Вовка.

- Тут! – отозвалось в ухе.

- А кто ты? Волшебник? – заорал Вовка, забыв о конспирации.

- Нет, лунатик!

- Ничего себе! – Вовка встряхнул зайца, - а почему тебя не видно? Лунатики – люди, по ночам гуляющие, а сейчас день. Обманываешь ты меня.

- Нет, я другой лунатик, с Луны, а не видно меня, потому что я сейчас очень маленький.

В игровой комнате постепенно нарастал смех, видно ребята играли в какую-то забавную игру, но Вовке было не до них. Погладив зайца по матерчатому животу, Вовка спросил:

- А чего ко мне привязался?

- Не знаю даже. Понравился ты мне. Вообще-то мы в контакт с людьми не входим, но я в такую ситуацию попал – самому никак не справиться.

- Я-то как могу помочь? – удивился Вовка, - я - ребенок. Лучше бы взрослых попросил!

- Да уж сколько раз пробовал! Без толку! Одни сразу вату на спичку наматывают и в ухо лезут, другие к врачу бегут и все рассказывают. А доктор им сразу: «Не волнуйтесь! Подумаешь, с кем не бывает! Я сам вчера в ванне моюсь, и вдруг – лошадь из пены! Как вынырнет, как заболтает! Это Вы на работе переутомились, сейчас я таблеточки выпишу, и все пройдет!» Как с такими разговаривать?

- Ну, чего делать-то мне? – спросил Вовка, почесывая зайца за ушами.

Ответа он не услышал. В игровой стоял дикий хохот. Оказывается, вся группа давно стоит около Вовки и слушает, как он разговаривает с зайцем.

- Ой, не могу, - заливалась Галкина, - сам зайца взял, и спрашивает, чего он к нему привязался!

- «А ты кто, волшебник?» - басом передразнивал Димка.

- Чем тебе помочь, зайчик? – визжал, держась за живот, Пашка.

- Все! Связь окончена! – заявил, отложив зайца в сторону, Вовка, – потом поговорим.

В группе опять засмеялись, но вошла воспитательница Ольга Михайловна и объявила: «Собираемся на прогулку!» Все побежали в раздевалку. Тут уж было не до смеха: на улице зима, одеться – дело серьезное. Во время гулянья ничего особенного не происходило, после него – тоже. Дома вечер прошел, как всегда, но когда мама уложила Вовку спать, он, замирая от ужаса, рискнул выйти на связь:

- Эй, ты тут?

- Конечно.

- Ну, и чего привязался?

- Хороший ты: смысленный такой, не вредный, храбрый очень, - начал расхваливать Вовку невидимый собеседник.

Вовке стало приятно. Хотя обидно немного, что не все его замечательные качества оказались перечисленными, поэтому он добавил:

- Я еще и самый сообразительный в группе! Говори, чего от меня хочешь? Для меня любое дело – пара пустяков!

- Слушай, друг! Поработать надо. Ракета поломалась, а на запчасти денег нет.

- Ну, это не ко мне, - протянул Вовка. - Тебе надо взрослых просить. Я же маленький, меня на работу не возьмут. И делать-то я ничего такого, что взрослые делают, не умею.

- Да объяснял я тебе уже про взрослых! А потом, у всех взрослых или дети есть, или мамы старенькие, взрослым их кормить надо. Устрою взрослых на работу – им деньги жалко будет мне отдавать. А детям деньги не нужны – их мамы с папами и кормят, и одевают.

- Ничего себе не нужны! Мне бабушка каждый выходной по десятке дает. И что? Купил «Сникерс» или пару жвачек – и все!

- Ладно, ладно, не горячись! Я тебе с зарплаты буду процент платить разными вкусными вещами, сможешь не то что «Сникерс», а «Рафаэлло» или «Баунти» каждый день лопать. Райское наслаждение!

Почувствовав, что лунатик легко идет на уступки, Вовка осмелел:

- Ничего себе! Я, значит, работай, а он мне процент! Нет уж! Это я тебе буду процент платить, а там покупай себе какие хочешь сладости!
- Ну вот! Сам ведь только что говорил: и маленький ты, и делать ничего не умеешь! А сладости мне не нужны: каждый рублик буду на ремонт откладывать, - лунатик горько вздохнул, а потом даже всхлипнул. – Мама у меня на Луне осталась, лунатичка! Плачет, наверное, думает, пропал совсем ее сыночек!
- Ну ладно, ладно! - забормотал Вовка, и ему захотелось погладить невидимого собеседника. - Я же не жадина. Поработаю, конечно, только как? Мама меня не отпустит, а детский сад без справки от врача прогуливать нельзя.
- Ой, пустяки какие! – тоненько захихикало в ухе. – Мне самому сейчас не измениться, а вот из тебя могу кого угодно наделать: хоть младенцев, хоть старичков, хоть мальчиков, хоть девочек. Просто мне надо в мозг к тебе залезть, а дальше – дело техники.
- Не хочу я младенцем быть – зря, что ли столько времени рос, - твердо возразил Вовка. - Старичком и девчонкой – тем более! И в мозг мне лазать не надо, может, это вредно очень! Да и наврал я. В группе-то самая сообразительная Мила Галкина. Она за минуту двадцать слов читает, а я только тринадцать. Давай, завтра с ней поговорю!
- Ну вот, струсил, - расстроился лунатик. - Не опасно это нисколько! Знаешь ты пока маловато, в голове у тебя свободного пространства – завались! Я ничем там не помешаю. А будет тебя – два. Один такой, какой есть, а другой – для работы подходящий. И работать будешь, кем захочешь! Я все умею.

Вовка переваривал услышанное, а лунатик, не дождавшись ответа, снова чем-то зашмыгал, может, крошечным носом, а может, каким-нибудь хоботом. Тут Вовке стало стыдно, он расправил плечи и произнес слова, которые в самых безнадежных ситуациях всегда говорят мужественные герои американских боевиков:

- Доверься мне!

Видимо, волшебные слова действовали не только на попавших в трудную ситуацию красавиц, напуганных старушек и смертельно больных детей, но и на лунатиков, потому что Вовкин лунатик всхлипывать сразу перестал и приказал бодрым голосом:

- Все! Спать пора! Завтра на работу!

Утром невыспавшийся Вовка дольше обычного собирался в садик и пришел последним. Все дети уже доедали кашу, а он только пошел руки мыть. Лунатик, похоже, тоже недавно проснулся, потому что, зевая, еле слышно пропищал:

- Ну что, готов?
- Готов, - плохо соображая, кивнул полусонный Вовка.
- Ну, я полез!
- Куда?
- В мозги тебе, забыл что ли?

Вовка мгновенно стряхнул остатки сна и забеспокоился:

- Больно наверно. Может завтра?
- Никаких завтра! – рассердился лунатик, - прямо сейчас! Больно не будет, просто ты, маленький, в садике останешься, а другой, взрослый, но тоже ты, окажешься на улице. Все, полез!

Вовка, раскрыв рот, смотрел, как из крана льется вода. Но одновременно он был и на площадке детсада! Вот горка, вот качели, дворник тетя Люся сгребает лопатой снег с дорожки.

- Утречко добренькое! – пропела тетя Люся, глядя на уличного Вовку. – Чего встал, папаша, на работу беги!

Уличный Вовка опомнился и зашагал к дырке в заборе, по дороге рассматривая свои ноги, огромные, больше, чем у папы. А детсадовский Вовка замер у умывальника, пытаясь привыкнуть к тому, что его теперь две штуки образовалось.

Он даже с места сойти не мог, хорошо, баба Люда помогла – как крикнет во весь голос:

- А ну, выключай воду! Каша уже остыла!

Вовка завернул кран и пошел к столу, где завис над тарелкой с манкой. Было совершенно немислимо делать такие сложные движения, как зачерпывание ложкой каши, открывание рта, глотание. Ведь одновременно надо было и идти! Уличный Вовка вышел за ворота садика и остановился около машины. Стекла в машине были тонированными, и Вовка стал рассматривать себя. Так вот каким он станет, когда вырастет! Тьфу ты, лучше уж маленьким оставаться! Совершенно не похож на Шварцнеггера! И ни на какого другого артиста или певца. Кстати, если бы было сходство с папой, Вовка тоже ни капельки бы не расстроился. А тут стоит какой-то дядька, на носу очки, усы противные торчат. Зачем ему усы? На улице мороз, от дыхания пар идет и на этих усах инеем оседает. Над верхней губой – мокро и противно, как будто сопля текут.

- Слышь, ты, лунатик, это я такой буду, когда вырасту? – чуть не заплакал уличный Вовка.
- Откуда я знаю, каким ты станешь? – удивился лунатик, - обратись к гадалкам. Вон, они во всех газетах объявления дают. Карты разложат, в хрустальный шар поглядят и тут же расписание на всю твою жизнь составят с описанием внешности.
- А дорого стоит? – спросил детсадовский Вовка.

Но никто ему не ответил, видимо, лунатик не мог быть в двух местах одновременно.

- А дорого стоит? – как будто услышав вопрос детсадовского Вовки и брезгливо рассматривая себя в стекле машины, поинтересовался уличный Вовка.
- Да ты что! Серьезно в эту чепуху веришь? – рассмеялся лунатик. – Будущее узнать невозможно. Вон, синоптики погоду на завтра предсказать не могут, а учатся этому всю жизнь, да и приборы имеют нехилые.
- Ну ладно, - успокоились оба Вовки, один вслух, другой про себя. - Может, что получше этого усатого вырастет!

А усатый, закончив осмотр, обратился к лунатику:

- Знаешь, прекращай меня Вовкой звать! Я все-таки, пусть и с виду только, человек взрослый. Обращайся ко мне теперь по отчеству: Владимир Павлович. Ну, в крайнем случае, Владимир.

Перед маленьким Вовкой оказалась баба Люда, и, убирая нетронутую кашу, заворчала:

- Ладно, не давайся, иди с ребяташками поиграй! Ну и наварили сегодня наши повара! И горячей-то эту гадость не съесть, а уж холодную манку в дите пихать – себе дороже! Вырвет еще!

В президенты не попасть.

- Ты кем, вообще-то, стать хочешь? – спросил у Владимира лунатик.
- Космонавтом! – выпалил Владимир, предвкушая, что прямо сейчас невидимый друг сляпает из чего-нибудь ракету и отправит его напрямиком в космос. – Кстати, заодно могу и тебя до Луны подбросить, к маме.

Лунатик захихикал:

- Ты еще президентом стать захоти! Или директором банка, завода огромного, депутатом, поп-звездой, спортсменом, на весь мир известным! Да их каждый в лицо знает!
- Ну и что! – капризничал Владимир, - обещал, что буду, кем захочу – выполняй! Не умеешь, наверное, ракетой рулить.
- Ракетой не рулят, а управляют. И, насколько мне известно, в ближайшее время никаких запусков не предвидится. Это тебе не такси! Трудности здесь не только в том, что люди таких профессий известны каждому. Внешность-то я тебе подправлю, будешь, например, вылитый президент. А его самого куда девать? Такие места, вроде космонавтских, заняты давным-давно, незаметно не просочишься! Надо искать вакансии.

- А это что такое? – несолидно поинтересовался Владимир.
- Это пустые рабочие места. Ну, видел, наверное, в газетах объявления «Требуются...».
- Видел, и читал даже, - похвастался Владимир, хотя на самом деле ничего читать не мог. Это он Вовкиной памятью воспользовался. – Такие есть работы хорошие, совсем делать ничего не надо, послал конверт с обратным адресом, и сиди себе дома спокойно, клей какие-нибудь коробочки два часа в день. А платят – просто тысячи долларов! Непонятно, почему мама с папой так работать не хотят?
- Неправда все это! – твердо пропищал лунатик. - Отправишь конверт по такому адресу, а вместо тысяч долларов у тебя или тысячу рублей потребуют за трудоустройство, или предложат купить для коробочек картон и клей по бешеной цене. Кто подает эти объявления, тот и зарабатывает, причем, нечестно. Или вот предлагают тебе разные крышки, этикетки собирать и отправлять по «указанному адресу». Ты им – мусор всякий, а они тебе – ценные призы! Какой дурак в эту чепуху поверит!

Владимир покраснел, потому что Вовка и был этим самым дураком, упросил маму покупать дорогуший сок и старательно копил куски картона, чтобы выиграть если уж не главный приз – телевизор, то хотя бы часы или футболку.

- Мы попробуем для начала на какую-нибудь простенькую работу устроиться, - продолжал, не замечая смущения Владимира, лунатик, - типа грузчика. Грузчики всегда нужны, и в магазинах, и в банках, и в фирмах компьютерных. Без них бы все пропали. Представь, что какой-нибудь директор банка сам мешки с деньгами или золотом разгружает!
- Не хочу грузчиком! – заупрямился Владимир.
- Это еще почему? – запищал лунатик, – нормальная профессия, и платят, как правило, каждый день. К вечеру уже смогу первые детали прикупить и ремонтом заняться.
- Все равно не хочу!
- А чего ты хочешь?
- Сейчас?
- Да.
- «Пепси-колу» и «Сникерс».
- Ну вот, заработаешь деньги и купишь!

Владимир и лунатик как раз подошли к ларьку, на котором висело объявление: «Требуется грузчик».

Грузчик

- Теперь молчи! Дальше я все беру на себя, - пропищал лунатик, и Владимир, сам того не желая, сложил из пальцев кулак и забарабанил в закрытое окошко.

Высунулась продавщица и закричала:

- Чего барабанишь с утра пораньше? Не видишь, закрыто!
- Ладно, красавица, не кипятись! – развязно полилось изо рта Владимира. – Грузчик нужен тебе?

Владимир и Вовка пришли в ужас. Разве можно так со взрослыми разговаривать? Сейчас продавщица выйдет и сделает что-нибудь страшное: милицию, например, позовет. Но продавщица, наоборот, сразу стала ласковой и любезной:

- Ой, как повезло! Третий день сама ящики таскаю! А ты выдержишь? – она с сомнением окинула взглядом довольно хлипкую фигуру Владимира. – У нас товара много, считай, полфургона.
- Да я! – расправил грудь большой Вовка, - Да я всю жизнь грузчиком! Мне про машину даже слушать смешно, после того, как вчера вагон железа разгрузил! Главное, чтобы платили хорошо!

- Ага! Вот и машина! – не стала слушать хвастливые речи продавщица. – За разгрузку – двести рублей, получишь накладную и приступай.

Видимо, в это время лунатик прикидывал про себя, стоит ли за такие деньги приступать, потому что контроль за Владимиром он временно потерял, и большой Вовка немедленно поинтересовался:

- А что такое накладная, тетенька?
- Вот шутник! – засмеялась продавщица.

А из машины вылез шофер и просунул в окошко какие-то бумажки. Продавщица посмотрела на них, потыкала пальцами в клавиши счетной машинки, на каждой бумажке поставила закорючку и отдала их Владимиру.

- Так-так! – наморщив для важности лоб, - сказал большой Вовка, - понятно все.

Но все было совершенно непонятно. Какие-то каракули немыслимые, цифры. И лунатик, как назло, куда-то пропал. Что делать?

- Ну так грузи! – рявкнула продавщица, захлопнула окно и открыла дверь.

Владимир направился к машине и стал перетаскивать из нее в ларек ящики с лимонадом, коробки с жареным арахисом и лотки с хлебом. Тяжеловато!

- Что ты делаешь? – закричали одновременно шофер и продавщица, - в накладную смотри! Где ты здесь хлеб увидел?
- Нигде! – честно ответил Владимир, но тут, слава Богу, в ухе знакомо запищало, в накладной все сразу все прояснилось, и, водя пальцем по строчкам, Владимир начал правдоподобно оправдываться:
- Подумаешь! Здесь написано: «Сухарики андреевские», пять лотков. Я сухарики с андреевским хлебом спутал. Сейчас обратно отнесу – делов-то!

На самом деле получилось не очень хорошо. От тяжелых лотков заболела спина, и проделывать двойную работу из-за собственной глупости совсем не хотелось, хотя все равно пришлось.

Пока Владимир исправлял ошибку, запищало в ухе у Вовки:

- Как тебе работка? Нравится?

Вовка тут же схватил первую попавшуюся игрушку, и, не видя ее от волнения, закричал:

- Немедленно к ларьку! Здесь я сам справлюсь! Как ты можешь одного человека оставлять?

Рядом засмеялся Вадик Иванов:

- Ребята, сюда! Вовка снова с зайцем на связь вышел! К ларьку его посылает!

Тьфу ты, и правда, у Вовки в руках снова оказался безлапый заяц. Быстро сунув игрушку в гору резиновых мячей, Вовка продемонстрировал подбежавшим детям пустые руки, а тут Ольга Михайловна очень вовремя позвала ребят на занятия живописью. Это так называется: занятия живописью, а на самом деле просто рисовать надо. Сегодня рисовали лошадь. Без образца, по памяти. Вовка обычно хорошо рисовал, но сейчас, когда надо было находиться в двух местах, у него получалось не очень. Перед глазами все время маячила фигура Владимира, поэтому лошадь рисовалась усатая, стоящая на двух ногах, а в передних держала лоток с булкой. А потом рядом и сам Владимир нарисовался.

Занятия подходили к концу. Владимир к этому времени уже разгрузил машину и стоял около окошка, ожидая расчета. Стоять было тяжело. Как же он устал! Лунатик снова пропал, видно, решил, что раз работа закончена, значит, ему можно отдыхать.

- Держи! – продавщица сунула в окошко две сторублевых бумажки, потом подумала и протянула бутылку пива.
- Вы что, тетенька! – испугался Владимир, - детям пива нельзя! Я только лимонад пью!
- И не куришь, наверно, дяденька? – спросила продавщица.
- Честно слово, нет! – заверил ее Владимир.
- Тогда оформляйся к нам постоянно. Находка, а не грузчик! Сейчас исправлюсь! – и продавщица поменяла стеклянную бутылку с пивом на пластмассовую, двухлитровую с обожаемой Вовкой «Пепси-Колой».

Владимир прямо на улице отвернул крышечку и забулькал коричневой вкуснятиной. Вовка сглотнул слюну. Как же так? Договаривались, что получать сладкое будет он, а на самом деле все

Владимиру достается? Нечестно! Пусть Вовка не делает ничего, но без него Владимира бы и не было. Кстати, находится в двух местах одновременно хотя и интересно, но трудно. Все ж Владимир – его, Вовкина часть, вот и спина, кажется, болеть начинает.

- Так, расчелтик! – пропел тонкий голосок, и в руках у Владимира вместо двух сотенных бумажек оказались две десятки, которые он немедленно поменял на «Сникерсы».

Видимо, чем-то взрослый Вовка отличался от маленького, потому что маленький купил бы «Натс». И не только потому, что он вкуснее. Когда у тебя в голове кто-то поселился, помощь мозгу не помешает.

- Ну, чего, может, еще машинку разгрузишь? – поинтересовался лунатик. – Я тут неподалеку объявление видел.
- Ну уж нет! – Владимир подавился «Сникерсом», - на сегодня – все!

Очутившись на территории детсада, Владимир с легким хлопком исчез, а Вовка стал самим собой и смог, наконец, сосредоточиться, чтобы дорисовать лошадь.

- Вот умница! – похвалила Вовку Ольга Михайловна и показала его рисунок детям, – все рисовали живых лошадей, а Вова придумал изобразить скульптурную группу Клодта «Укрощение коня человеком». Установлена она на Аничковом мосту через Фонтанку, надо бы нам как-нибудь собраться и съездить туда всей группой.
- Если ты тут, - заявил вечером в постели Вовка, - я знать тебя больше не хочу!
- Тут, - отозвался лунатик и перед Вовкой оказалась двухлитровая «Пепси -Кола» и два «Натса». - Вводите вы меня оба в расходы! И что тебе сегодня так не понравилось? Сидел себе спокойно в детском садике, а Владимир за тебя вкалывал.

Вовка, получив несметные сокровища, устыдился вспышке гнева и соврал:

- Спина болит – сил нет терпеть!
- Странно! – протянул лунатик. – Вроде бы не должна. Ну ладно, завтра чего-нибудь полегче выберем, хотя таких работ, чтобы отдыхать на них, нет. Ты-то сам что предпочитаешь?
- Сам знаешь! У Владимира спрашивал.
- Ну, тогда и ответ тебе известен. Ты «Колу»-то пей, мне еще тару надо убрать.
- И фантики?
- Конечно.
- А можно, я на завтра оставлю?
- Нет. Расчет в день полочки, а съедание в день расчета. Мне лишних следов пребывания на Земле не надо!
- А может, деньгами? - предложил Вовка.
- Ну уж нет! Как договорились, так и будет. Все равно, если накопишь, купишь или себе что-нибудь заметное, или маме кинешься подарки делать. А отсюда – вопросы ненужные.

Вовка начал пить вкуснейший напиток. Пилось сначала с удовольствием, потом без, потом питья вообще перестало. В бутылке оставалась еще половина, а места в животе уже не было. С трудом протолкнув внутрь две шоколадки, Вовка протянул в воздух фантики и полную наполовину бутылку:

- Забирай!

Остатки пиршества растворились в воздухе.

- Ну, что на завтра? – спросил лунатик.
- Не знаю, – лениво отозвался Вовка, - спать хочется. – Ты уж сам придумай. Я бы дома остался, клеил бы конверты или коробочки какие-нибудь.
- Дались тебе эти коробочки! Не зарабатываешь так ничего! – донеслось до него через накатывающую дремоту.

Парикмахер

Да, не очень хорошо с лимонадом вышло. Описался Вовка нечаянно. Такого не бывало с ним года три. Поэтому утром Вовка вышел из дома раньше мамы и ждал у подъезда, когда она загрузит в машинку белье. От скуки Вовка начал читать объявления на столбе. Как обычно, ерунда какая-то. Все сдают и снимают квартиры, причем делают это одновременно. Неизвестный Степан Степанович умоляет продать ему комнату «именно в этом месте», а какая комната может быть в столбе? Сахар и муку мешками предлагают, и ходить никуда не надо, в квартиру принесут. Кто-то мопса потерял, нашедшему – большое вознаграждение; а другой, наоборот, нашел крупного волкодава и ищет желающих забрать собаку бесплатно. А вот свежее совсем: «Парикмахерские услуги на дому. Дешево. Любые стрижки выполнит мастер высшего разряда». Здорово! Вовке как раз бы не мешало постричься. Так, посмотрим телефончик... Запоминается легко – первые три цифры – как у Вовки, следующие две – тоже, ого, и остальные совпадают? «Спросить Владимира». Понятно теперь, кто объявление наклеил. Ну что ж! Парикмахер – неплохая профессия! Мастера в салоне всегда вкусно пахнут, вокруг них – разные красивые вещи: крахмальные простыни, чудесные блестящие ножницы – от крохотных до огромных, есть даже такие, у которых лезвия не гладкие, а как бы нарезанные ровными кусочками.

Не успел Вовка дойти до садика и вымыть руки, как в дверь квартиры позвонили. Владимир открыл.

- Вы Владимир? – подозрительно поинтересовалась полная дама.

Как и все дети, Вовка, а значит, и Владимир не умели определять возраст тех, кто был старше. Для них люди делились на «здоровенных пацанов», то есть учеников начальной школы, парней – от четвертого до седьмых-восьмых классов, и собственно взрослых, которые были двух категорий: одни еще не старые, а другие уже старые. Дама, стоящая на пороге, пока была не старушкой, но вот-вот собиралась ей стать. Волосы у дамы были настолько короткими, что и стричь-то было нечего.

- Вот, обросла вся, видите, - и она тряхнула головой, похожей спинку ежа.

Ни Вовке, ни Владимиру прическа дамы не понравилась, хотя против ежиков они ничего не имели.

- Заходите, заходите! – широко улыбаясь, пригласил Владимир. – Короткие женские стрижки – мой конек.

- А берете сколько?

- С вас, мадам, всего сотню.

- А написано – дешево, - обиделась дама. - Зачем заранее клиентов обманывать.

- Так стрижка в салоне Вам рублей в триста обойдется! А я – мастер международного класса, вот свидетельство! – Владимир выхватил прямо из воздуха красивую бумажку с кучей печатей. Могу еще дипломы представить, я во всех конкурсах лучшие места занимал.

- Верю, верю, - зашебетала дама и, скинув шубку, уселась на стул.

- Могли бы хоть кресло нормальное поставить, - недовольно проговорила она. - И где зеркало?

- В ванной. Оно Вам понадобится только после завершения работы. А обстановка у меня самая подходящая, к домашней приближенная. Да не бойтесь Вы! Все будет в лучшем виде, сами себя не узнаете, - набрасывая на плечи дамы не очень свежее кухонное полотенце и срывая с гвоздика на стене слегка заржавевшие ножницы, тараторил Владимир.

Вот это класс! Ножницы запорхали над головой дамы, и через полчаса со стула поднялась симпатичная девушка. Воздушное облако колыхалось вокруг ее головы, а лоб прикрывала кокетливая челочка. Пройдя в ванную, девушка издала крик восторга, вернулась к Владимиру и затарахтела:

- Ах, Вы – настоящий волшебник. Теперь – только к Вам! А сегодня же вечером пришло двух подруг. Часиков в одиннадцать удобно будет?

Вовка замер, с ужасом уставясь на нянечку, вошедшую с большой кастрюлей. Конечно, будет удобно! Особенно если мама увидит среди ночи этих подружек! Но Владимир молодец, не растерялся:

- Увы, мадам, - сегодня в пять уезжаю.

- Надолго? – нервно вскрикнула девушка.
- Почти навсегда. Пригласили поработать в Америке. Контракт на восемьдесят четыре года.
- Ах, какая жалость! Все равно, когда вернетесь, позвоните, пожалуйста, вот моя визитка, - и девушка всунула в руку Владимиру картонный прямоугольник.

Вовка в это время опять сидел над тарелкой с кашей, на этот раз гречневой. Есть было невозможно: во-первых, очень уж интересные вещи происходили в квартире, а, во-вторых, с «Натсом» он вчера переборщил.

- Вот горе-то! – пробормотала баба Люда, убирая нетронутую еду. – Второй день не ешь, а каша сегодня вкусная! Может, заболел?
- Здоров я! Просто ужинаю дома хорошо, никак к утру не проголодаться, - схитрил Вовка, вставая из-за стола.

А Владимир уже принимал нового клиента. Это была старушка, похожая на Бабу-Ягу: сгорбленная, вся в морщинах, с реденькими седыми волосиками.

- Тут, что ли, бесплатно стригут? – прошамкала она с порога и без приглашения заковыляла к стулу.
- Нет, бабуля, я платный мастер, - сообщил Владимир.
- Вот и я говорю, - усаживаясь поудобнее, продолжала старушка. – Во всех районах есть парикмахерские, где пенсионеров бесплатно обслуживают, и это правильно! А я еще и ветеран, и инвалид! А все равно неправильно! Нам, пенсионерам, надо деньги платить за то, что ученики нас, как кроликов подопытных, стригут. Мне много не надо, десятку – две. Ходить к тебе каждый день стану, тренируйся на здоровье, оттачивай мастерство!

Владимир хотел было поспорить и объяснить старушке, что подопытных кроликов не стригут, но сообразил, что ему будет легче избавиться от бабули, сделав ей качественную стрижку, чем вступив в долгие препирательства.

И снова случилось чудо: покинувшая стул бабушка на Бабу-Ягу стала совсем непохожа! Получив свою десятку, милая старушка направилась к двери.

Вовка решил, что профессия космонавта, может, и не самая лучшая. То, что человек в космос летает, это научный факт, а то, что делает хороший парикмахер – действительно, волшебство! И не трудно совсем: ножницы взял, чик-чик! – и готово!

Столкнувшийся в дверях с обаятельной старушкой парень, не говоря ни слова, прошел в комнату, по-хозяйски расположился на стуле, и только после этого бросил:

- Модельную. Не коротко. Быстро. Цена Ваша.

Владимир взмахнул ножницами, и тут же замер, почувствовав, что инопланетянина с ним нет. Ножницы легли в руку неудобно, что делать с выглядывавшей из полотенца головой, было непонятно.

- Дяденька, а может, Вы в настоящую парикмахерскую сходите, - робко предложил Владимир. – Здесь недалеко совсем.
- Сам ты «дяденька»! – рассердился парень. – Был уже, там очередь, а мне срочно надо!

Привыкший слушаться взрослых большой Вовка понимающе кивнул и принялся за дело. Дело пошло плохо. Тупые ножницы совершенно не хотели стричь, запутывались в густых волосах, и клиент все время вскрикивал: «Ой! Ай! Что Вы там делаете! Меня еще никогда так больно не стригли!» Наконец, парень потребовал зеркало. Владимир видел сам, что причесочка получается не очень, поэтому к зеркалу отпускать клиента боялся, тянул время. Хорошо, что запомнились обрывки фраз, которые он произносил, когда лунатик в голове сидел! Владимир забормотал:

- Сидите спокойно, все будет хорошо! Такую стрижечку устрою – сами себя не узнаете, пока не обрастете! И никто Вас не узнает. Очень удобно, особенно если Вы от милиции скрываетесь. Да и сам я уже с трудом Вас узнаю.

Голова парня с каждым взмахом ножниц все больше напоминала эскалатор в метро во время ремонта, когда часть ступеней бессистемно удалена. Пытаясь сделать из многоугольника овал или шар, бедный Владимир только усугублял безрадостную картину.

- Нет, я все-таки посмотреть хочу, - настаивал клиент, делая попытку встать со стула. – Мне кажется, Вы слишком много волос с меня состригли, мне короткие стрижки не идут!

- Сидите, - нажимал на плечи парня Владимир, - стрижка только начата! Просто у Вас волосы очень хорошие, густые такие, поэтому кажется, что все выстрижено. Ну вот, опять ножницы застряли! И цвет замечательный! Еще полчаса, и Вас невозможно будет узнать, но трудно не заметить!

Вовка ужасно переживал. Что будет, когда клиент увидит себя, было страшно представить! Сколько у Владимира осталось сил бороться с парнем и удерживать его от шока? Где этот предатель-лунатик?

- Ну как? Справляешься?

Знакомый писк у уха придал Владимиру сил, он прижал парня к стулу и с удовольствием начал уничтожать созданное им же самим безобразие. Получался настоящий шедевр! Отпустив жертву, Владимир стал ждать реакции из ванной комнаты. Но парень, корчащийся из себя крутого, восторженных звуков не издавал. Покинув ванную, он молча положил на стол пятисотенную купюру и, уже закрывая за собой дверь, крикнул:

- Я же просил чуть-чуть подлиннее!

Лунатик развил бурную деятельность, что выразилось в украшении входной двери табличкой «парикмахер болен туберкулезом», исчезновении объявления со столба и денег со стола и появлении на нем же пачки сока и вафельного торта.

- И чего? Это все мне? – удивился Владимир.

- Ешь-ешь. Заслужил, – с любовью пропищал лунатик. – Вон сколько денег заработал.

Владимир ел отвратительно: громко чавкал, обгрызал у торта шоколад, мусолил кусок в руках, расслаивал вафли. Особенно мерзко было глядеть на крошки, сыпавшиеся изо рта. Кто только учил его? «Я», - догадался Вовка и покраснел. А так как в это время он смотрел на Настю Тарелкину, Лебедев Женька сделал неправильный вывод и заорал: «Ребята! Вовка в Тарелку влюбился!» От такого чудовищного, несправедливого заявления предательский свекольный цвет мигом распространился от щек на шею и уши, а группа скакала вокруг Вовки и Насти, распевая всякие глупости про тесто, невесту и жениха. Тарелкина немедленно последовала Вовкиному примеру и тоже начала розоветь. Вовка хотел уже объяснить, что с Тарелкиной ошибочка вышла, так как влюблен он в Клаву Свиридову, но тут же сообразил, что еще хуже получится. Про лунатика тоже молчать надо. И тут пришло спасение свыше, то есть с Луны. Видимо, Владимир изгрыз, наконец, свой торт и исчез на время простоя. Лунатик снова был с Вовкой и, как мог, пытался поправить положение. Следуя полученным инструкциям, Вовка с негодованием ткнул пальцем в фарфоровую обезьянку, которую Тарелкина держала в руках, и закричал:

- Вот! Макака! А у меня на них аллергия! Я ни в цирк, ни в зоопарк из-за этих макак не хожу, так нет же – прямо в садик обезьян тащат! Уберите животное немедленно, а то помру прям щас!

Разочарованная Тарелкина попятилась от Вовки, пряча за спину фарфоровую зверушку. Кстати, фарфор из глины делают, и никакой аллергии от него быть не может. Но дети в таких тонкостях не разбирались. Повезло Вовке, что в его группе была Машенька Портнова, всем давшая понять, что такое аллергия! Маша не могла без слез смотреть на пуховики, рыдала от шерстяных свитеров, а один раз помогла найти и уничтожить мышь. Все, кроме заболевшей Портновой, знали, что мышь завелась в спальне. Она нахально воровала у девочек снятые на время сна заколки и бантики, пищала и возилась под кроватями, выглядывала из цветочных горшков, заставляя воспитательниц вскрикивать и хвататься за сердце. В мышеловки со всякими вкусностями не шла, предпочитая сыру и ветчине листья фикуса и традесканции. Чтобы избавиться от неуместного в детском учреждении животного, было необходимо найти его норку, но хитрый грызун не собирался показывать дорогу в свой дом. Поправившись, Маша явилась в детсад. Ее сразу отвели в спальню, где она немедленно раскашлялась и расчихалась. Это конечно, жестоко по отношению к ребенку, но выхода другого не было: Портнова искала норку по принципу игры в «Холодно-горячо». Конечно, не сама мышь подавала Маше команды, где себя искать. Просто Маша мужественно шла туда, где ей становилось хуже. Она чихала и кашляла, краснела и задыхалась, но мышиный дом нашла. И это была совсем не норка. В спальне висел

пластмассовый ночник в виде сладко спящего месяца. В садике ведь спят днем, и лампочку никогда не включали. Вот там-то мышка и устроила себе жилье.

Из-за своей аллергии Машенька спала отдельно от всех, на раскладушке, застеленной поролоновым матрасом. Вместо мягкой пуховой подушки ей клали под голову жесткую, противоаллергенную, из гречневой шелухи.

Вспомнив все проявления Машиной аллергии, Вовка начал хватать воздух ртом и попытался кашлять и чихать. Издаваемые им звуки походили на ворчание сердитой собаки, но главное – дети поверили, что Тарелкина - не Вовкина невеста.

Получив на ночь эсклеры с соком, Вовка твердо сказал лунатику:

- Ничего мне на завтра даже не предлагай! Вон сколько деньжищ тебе Владимир заработал. Займись ремонтом, а у меня, как у всех нормальных людей, в субботу выходной.

Выходной

Вовка проснулся из-за бьющего в глаза солнышка. «Проспал!» - мелькнула первая тревожная мысль. А следом за ней появилась другая, медлительная и спокойная: «Выходной!» Обычно по субботам Вовка после просыпания сразу шел смотреть телевизор, потому что успевал за неделю соскучиться по мультикам. Чем только думают работники телевидения, составляя программу телепередач? Все, что надо посмотреть детям, идет часов до четырех, а дети как раз в садике. Приходишь и смотришь новости, или кино какое взрослое. Пусть среди фильмов очень хорошие попадают, но все равно, лучше бы после семи мультфильмы по всем программам показывали! Сегодня же Вовка к телевизору не спешил. Мама с папой еще спят, и можно спокойно поговорить с лунатиком, потому что вопросов к нему накопилась куча, а возможности задать их в спокойной обстановке не было.

- Лунатик! – позвал Вовка.
- Чего тебе?
- Мне вот чего! Устрою сейчас тебе разбор полетов!

Тоненький голосок задрожал от обиды:

- Ну вот, так всегда! Стоит порядочному лунатику чуть-чуть ошибиться, как сразу «разбор полетов!» У меня, между прочим, первая авария за всю жизнь! И еще доказать надо, что я виноват! Корабль экспериментальный, оборудование в целях экономии в Марсианской впадине закуплено, а там такой брак гонят, куда вашему Китаю! Нет, ну надо же додуматься: вместо вечного двигателя поставить на корабль обычный, с запасом в тысячу лет! Как будто это самолет или автомобиль! Короче, вину свою не признаю, и на дальнейшие вопросы отвечать отказываюсь!

Вовка испугался, что лунатик и правда замолчит, и поспешил исправить положение:

- Да я не об этом.
- А полеты причем?
- Ни при чем. У нас так говорят: «разбор полетов», а сами поведение разбирают. Хотя твое поведение тоже, наверное, с полетами связано. Куда ты деваешься, когда Владимира одного бросаешь? Он же маленький, не умеет ничего.
- Бросаю только по острой необходимости. У меня каждые четыре часа контрольная связь с Луной. Связь, правда, временно отсутствует, но вдруг прорежется, а меня на месте нет? Ну и к тебе на минутку залетаю. А потом что значит: «ничего не умеет!» Пусть учится! Ты не за ошибками его следи, а смотри на результат. Если я проглядел что, ведь исправляю!
- Ну, ладно. А вот еще удивительно, как это ты по-нашему разговариваешь?
- Нашел чему удивляться! Ты ведь тоже разговариваешь.
- Я всю жизнь учился.
- А сколько это «всю жизнь»?
- Во сколько заговорил, сам не помню, но мама говорит, что в три года.

- Поздравляю! – осуждающе хмыкнул лунатик. – А сейчас тебе шесть. Значит, за три года язык выучил. Неплохой результат!
- Да я уже в четыре так болтал, что у всех в ушах звенело!
- Во класс! – восхищение лунатика было, кажется, неподдельным. - Если ты можешь за год язык освоить, к пятому классу полиглотом станешь! Я-то русский пять лет учил!
- Не буду я полиглотом! – вздохнул Вовка. – У нас в садике английский платный, так я с сентября только и выучил, как будет мама, папа и собака.
- Не горюй! – утешил лунатик. – У тебя все впереди. Это здорово, что преподаватель тебе хороший попался, начал с самого главного.

Чувствуя, что разговор уходит в сторону, Вовка стал расспрашивать дальше:

- А вот почему, когда у нас ученые в телескоп глядят, вас не видят? И даже когда на Луне американцы высаживались, тоже ничего, кроме пыли, не нашли? Вы там все, что ли, такие мелкие?
- Сами вы мелкие! У нас средний рост – два метра. Американцев не видели. Может, они ракету среди пустыни посадили, а может, и не прилетали вовсе.
- Да я сам передачу по телевизору видел! – задохнулся от возмущения Вовка.
- Ну и что? Вон, в «Парке юрского периода» увидишь, как динозавры по земле разгуливают. Тоже, кстати, американцы снимали. Кино!
- И все-таки, как насчет роста? – не унимался Вовка. – Вот я бы, например, ни за что не захотел уменьшиться! У меня есть специальное местечко в квартире, где мама у стенки мой рост отмечает и каждый раз ахает: «Как же быстро ты растешь!» А на самом деле я расту медленно, и хотя на физкультуре восьмым от начала стою, все равно обидно! А тут целых два метра потерять и стать какой-то шмокодявкой!
- Честно скажу, самому не нравится! Но уж раз выбрал работу такую – изволь требованиям, к тебе предъявляемым, подчиняться. Мы, космонавты, перед полетом на Землю специальную микстуру пьем, гадость, заметь, поряточная, хлоп – и нет двух метров, в микроскоп не разглядишь!
- Ну и зачем? – не унимался Вовка. – Показались бы всем, контакт наладили.
- Рано! – с сожалением пропищал лунатик. – У вас половина взрослого населения сразу с ума сойдет. С детьми куда проще, только нет таких планет, чтобы там одни дети были.
- Так вы и на другие планеты летаете? – ахнул Вовка.
- Только в пределах Солнечной системы, - скромно пропищал лунатик.
- И там тоже люди?
- Скажешь тоже! Люди – на Земле, сатурники – на Сатурне, венерианцы – на Венере.
- Марсиане – на Марсе! – восхищенно прошептал Вовка. – А какие они?
- Все разные. Сатурники – просто меховые мешки с жиром, холодно им, от Солнца далеко. Меркулята на Меркурии своем, наоборот, от жары плавятся. До того доплавились, что стали похожи на лужи, но ничего, живут! На Венере прохладней, но тоже не сахар – усохли от Солнца так, что в ходячие палки превратились. Ходят голые и тени не отбрасывают. Марс от земли не так уж и далеко, и климат там приличнее – не так жарко. Вот они на вас больше других похожи, недаром ваши ученые Марс больше других планет изучают.
- Нет, представить не могу! – Вовка потрянул головой. – Лужа – а живет!
- А ты все-таки попробуй! Ведь тебя не удивляет, что почти в тех же условиях, что и ты, существуют не похожие на тебя лягушка и земляной червяк?

Вовка прислушался к своим мыслям и понял, что это тоже стало его удивлять. Вопросов оставалось – море, но папа закричал из соседней комнаты:

- Подъем, сони! На зарядку!
- Уже бегу, - крикнул Вовка и начался обычный выходной.

Выходной – невыходной. Кондитер.

Он и прошел, как обычно. Даже не как не как обычно, а скучнее, потому что к таким чудесам, как поход в ближайший магазин, где папа доставал около автомата с мягкими игрушками десятку и предлагал попробовать вытащить мягкого покемона или собачку, Вовка давно привык. Тем более, что автомат вечно обманывал: захватывал понравившуюся вещь блестящими клешнями, нес ее почти до самого окошка выдачи, и вдруг отпускал. У Тарелкиной папа работает наладчиком этих автоматов, так она рассказывала, что в автоматах какая-то хитрая программа стоит, регулирует выдачу игрушек. А то, если бы каждый зверушку вытаскивал, те, кто эти автоматы делает, просто разорились бы и все. Вовка еле-еле дождался вечера, когда можно было снова уединиться с лунатиком.

- Лунатик!
- Здесь я.
- Выходим завтра на работу?
- Так завтра воскресенье, тоже выходной день.
- Ну и что? Многие и в выходные работают. Продавцы, врачи, те, кто булку делает.
- Отлично! Тут как раз неподалеку место кондитера освободилось, туда и двинем завтра. Ты спи, а я пока документы подготовлю. Кондитерам знаешь сколько врачей обегать надо!
- Зачем?
- Затем, что если кондитер заразный какой-нибудь, он всех, кто его торта поест, перезаражает. Во Владимире я, как в себе уверен, сляпаю ему справочку липовую.

Вовке снился сон, что Владимир в белоснежном халате и смешном, на веревочках, колпаке стоит у огромного стола и взбивает в гигантской кастрюле яичные желтки. Взбивал он их часа два. Стол был похож на цветочный магазин, потому что весь был уставлен тортами, украшенными невиданными букетами. Сон был скучный, и Вовка проснулся. Лунатик, похоже, разучился говорить, потому что пищал в ухе: «Тень-тень-тень». Владимир от просыпания не исчез, все также размешивал яйца. Понятно! Большой Вовка уже на работе, а пищит не лунатик, а синица за окном.

Пока Вовка чистил зубы, Владимир успел добавить в желтки сахар, соль, муку, сметану, разлил тесто по формам и поставил его в печь размером со среднюю кухню. Запахло так вкусно, что слюнки потекли, и Вовка полез в холодильник. В холодильнике были какие-то безобразные продукты – борщ и каша, творог и сыр. А хотелось торта. Вовка сделал жалобное лицо и пошел к маме:

- Мамочка! – заныл он. – Давай не будем «Ясное солнышко» есть! Так хочется чайку с тортиком.
- Так вроде праздника никакого нет. Хотя, если уж очень хочется, так и быть, схожу, куплю «Причуду».
- «Причуду» не хочу, - объявил Вовка, вспомнив, как противно Владимир ел вафельное изделие. – Я хочу большой торт, настоящий, с кремом!
- Тогда пару эклеров. Ты их любишь.
- Нет, - капризничал Вовка, недавно наевшийся эклеров, – только торт!
- Знаешь, сколько он стоит?
- А на двадцать третье февраля купишь?
- Ну ладно. Только больше никаких подарков тогда не жди.
- Хорошо-хорошо. Только давай торт сегодня купим, потому что праздник уже скоро, а потом покупать не будем. Как бы заранее отметим.
- Не пойдет! – твердо возразила мама и налила в кастрюлю молоко.

Хотя Вовка любил овсянку, но сегодня ей просто давился, потому что одновременно смотрел на горы великолепных, роскошных, аппетитнейших бисквитно-кремовых изделий. Хорошо Владимиру! То крем попробует, то торт подравняет: отрежет кусочек с кривого бока – и в рот! Видно было, что кондитер он превосходный: торты выходили пышными, высокими; крем был густым, а уж что он из него выделял, просто не поддавалось описанию! Орудя огромным шприцом, он создавал на тортах гроздь сирени, поляны ландышей, букеты тюльпанов и облака

черемухи. Листья были – от настоящих не отличишь – и на каждом сверкала капля росы. Старший кондитер, толстый дяденька, похожий на шкаф, периодически проверявший работу новичка, подходил, цокал языком, в удивлении качал головой и шел к своему столу, чтобы сделать очередную всем надоевшую розочку. Через некоторое время он, горестно махнув рукой на свой розовый сад, вышел. Владимир так увлекся, что даже не заметил, что остался один. Прошло минут десять, и толстый дядька вернулся, взволнованный и сияющий, как солнце:

- Заказ! – закричал он. – Индивидуальный заказ! У сына какого-то крутого день рождения, три года исполняется. Мальчишка машину просит. Крутому-то все равно, что сынуле подарить – хоть машину, хоть пароход, только папаша все же сообразил, что рановато. Вот и заказал торт на десять килограмм, и чтобы сверху «Мерседес» стоял шоколадный, как живой, тьфу, он живой не бывает! Как настоящий, короче. Платит – с ума сойти! «Мерседес» не «Мерседес», а «Жигули» какие-нибудь старенькие запросто купить можно. Возьмешься, друг? – толстый кондитер вцепился в халат Владимира и затряс его, как грушу.

Вовка, гуляющий в это время с мамой во дворе, одновременно прислушивался к разговору, пытаясь угадать, согласится Владимир или нет.

- Сделаем в лучшем виде! – бодро отрапортовал Владимир и стал перечислять, что ему понадобится.

Чем ближе подходил к концу список, тем толстый больше мрачнел. Под конец он уже не сиял, как раньше, а озабоченно хмурился и бормотал:

- Ох, боюсь, не справишься! Ох, напортачишь!

- Не сомневайтесь Вы! У меня заказ был как-то на Сатурне – целиком планету испечь, вместе со всеми кольцами, - и то справился! А кольца у меня вращались.

«Что он несет?» - от ужаса Вовка даже задрожал. Сейчас толстый или догадается, что Владимир – пришелец, и сдаст его куда-нибудь для опытов, или решит, что новый работник сошел с ума, и тоже сдаст, в больницу. Но кондитер, похожий на шкаф, так был увлечен новым заказом, что в ответ только пробормотал:

- Ну, если кольца вращались, тогда конечно. Это уже совсем другое дело. Берите все, что Вам нужно и приступайте к работе.

- Сейчас же домой! – сказала мама. – Я же говорила, шубу надо одевать, а ты: «Пуховик, пуховик!» Вон как дрожишь, зуб на зуб не попадает! И вроде ведь двигался, на горке катался!

Вздохнувший с облегчением оттого, что Владимир выпутался из неприятной ситуации, Вовка покорно кивнул и двинулся домой, где был напоен чаем и уложен с градусником в постель. А температурка-то была! Может, от волнения, а может, и правда Вовка простудился. Болеть, когда Владимир работает, не скучно, и Вовка с удовольствием наблюдал за процессом изготовления кулинарного шедевра. Толстый никуда не уходил, может, контролировал процесс, может – учился. Мама побежала в аптеку за лекарствами, папу срочно вызвали на работу, и Вовку ничего не отвлекло. Торт выпекся на славу – ровный, пышный, с прослойками мармелада, шоколада, безе, крема и зефира. А когда толстый кондитер отвернулся, Владимир взмахнул огромным ножом и зачем-то отхватил у торта здоровенный кусок, тут же растворившийся в воздухе. Этот кусок мгновенно оказался перед Вовкой, и в ухе запищало:

- На, покушай! Небось, весь извелся, глядя на такую вкуснятину!

Вовка вцепился в торт, как разъяренный бультерьер в ногу квартирного вора, и тут же перестал замечать все, что его окружало, в том числе и Владимира. Не было никакого Владимира, не было кровати, домашних тапочек на полу, кружащего за окном снега. Был только торт и его изумительный вкус. Кусок был ого-го каким, но Вовка проглотил его довольно быстро. Сначала ему показалось, что можно попросить добавки, но уже через минуту он почувствовал, что больше в него не влезет ни крошки.

- Спасибо! – икнув, поблагодарил Вовка, но «пожалуйста» не дождался, может, лунатик вернулся на рабочее место?. Так, что у нас там?

А ничего хорошего. Толстого в комнате нет, лунатика, похоже, тоже, потому что Владимир стоит перед огромным караваем и с растерянным видом выдавливает на него из трубочки крем. И

крем этот ни в какие цветочки не превращается, а ложится кое-как, зелеными лужами, розовыми косыми-кривыми дорожками, фиолетовыми кучками и коричневыми – тьфу, даже говорить не хочется чем! Владимир попытался создать из выдавленного крема что-нибудь приличное с помощью рук, но сделал только хуже – все размазалось и смешалось, превратившись в разноцветную кашу. Вздыхнув, Владимир (вот неряха!) вытер измазанные руки о белоснежный халат и приступил к созданию автомобиля. Нет, рисовать-то он умел, вспомнить хотя бы лошадь Клодта, только вот шприцом этим водить было ужас как тяжело. Крем выдавливался неровно, толчками, тут не то что «Мерседес», «Запожец» не нарисуешь! В результате вышло что-то, похожее на телегу с фарами, с колесами разного размера, и как будто на этой телеге лежал воз сена. А тут и старший кондитер подоспел. Он схватился за голову и завизжал:

- Все! Разорен! Тут одних продуктов на пять тысяч загублено! Из зарплаты вычту! Уволю! Съесть до последней крошки заставлю!

Бедный Владимир переминался с ноги на ногу, краснел и явно готовился зареветь.

- Ну, что молчишь? Сказать нечего? – не унимался толстый кондитер.
- Я больше не буду, честное слово, - выдавил большой Вовка. – Вы только в угол меня не ставьте! И вообще, - продолжил он твердым голосом, - это я так пошутил, сейчас все исправлю!

Руки Владимира замелькали с необыкновенной быстротой, погребая под новыми слоями ровно лежащихся узоров разноцветное безобразие, и через пять минут восхищенный толстяк разглядывал шоколадный «Мерседес», мчащийся по шоссе мимо весеннего луга. Вдоль шоссе справа текла голубая кремевая река, в глубине которой плавали серебристые рыбки, на белых лилиях и желтых кувшинках трепетали крыльями стрекозы, камыш согнулся под весом вспорхнувшей на него птички. Если уж Владимир умудрился передать легкость и пушистость каждого перышка, что уж говорить о машине! Не была забыта ни одна мелочь: номера с крошечными, но четкими цифрами были на месте, дворники могли чистить желатиновые стекла, а через сами стекла был виден салон с сиденьями, приборной доской, коробкой передач и рулем.

- Ну, ты даешь! – выдохнул толстяк, сунул Владимиру в руки пачку денег, тут же изъятую лунатиком и побежал докладывать крутому о выполнении его заказа.
- Что сегодня будешь из сладенького? – поинтересовался лунатик, когда Владимир остановился у ларька.
- Фу, даже смотреть на сладкое не могу, напробовался! Минералки бы!

Получив деньги, Владимир выпил три бутылки «Боржоми» и был временно ликвидирован. В замке повернулся ключ и вошла мама.

- Это тебе. Не в счет двадцать третьего февраля, поправляйся только, дорогой!

В ее руках была коробочка с тортом «Полет», для которого в животе не было даже крошечного местечка.

Санитар.

На следующий день в садик мама Вовку не пустила, хотя чувствовал он себя вполне нормально, и даже вызвала врача.

- Да здоров я, мамочка! – убеждал ее Вовка, - но мама не убеждалась.
- Когда это здоровый ребенок от торта отказывался? Очень тревожный симптом. Ну уж нет, лежи, поправляйся!
- Да я сейчас хоть весь торт съем!
- Ну и хорошо! А доктор пусть все же тебя посмотрит.

Пришел врач, не добрая и знакомая Лариса Васильевна, знавшая Вовку и все его болячки еще с тех пор, когда мама возила его в колясочке, а другая, строгая и в очках. Осмотрев Вовку, она заявила:

- Ребенок практически здоров. Могли бы и сами в поликлинику прийти. У меня вызовов – море, грипп гуляет, а я должна выяснять, почему мальчик торт не ел. Ладно, выпишу больничный на пару дней. Пусть лежит, горло полоскает и какой-нибудь травки для аппетита попьет.

Мама, убедившись, что ничего страшного с ее драгоценным ребенком не случилось, несмотря на выписанный больничный, ускакала на работу, обещав через два часа вернуться. Мама работала бухгалтером, это что-то вроде пожарника, потому что каждые три месяца у нее горит отчет, а самый большой пожар происходит в конце года. Горящий отчет она точно не водой гасит, а, похоже, засыпает песком или землей, потому что после этого всегда приходит налоговая и копает. Лунатик пропал. Скучно! Вовка уже досматривал картинки в пятой книжке, когда появился гость с Луны.

- Почему не в садике?
- Болею.
- Чем?
- Отсутствием аппетита вчера.
- Хорошая болезнь, неопасная, незаразная. Симулянт ты, вот кто! Просто притворяешься.
- Когда притворяешься, родителям больничный не дают!
- Знаешь что, дорогой, все равно без дела валяешься! Давай-ка санитаром поработай!
- Лучше врачом. Главным.
- Вакансий нет. А санитаров, наоборот, не хватает. Ну, согласен?

Умиравший со скуки Вовка был готов поработать кем угодно, а спорил просто так, для порядка. - Ну уж ладно, сделаю тебе одолжение, - процедил он сквозь зубы.

Владимир стоял посреди не очень чистого больничного коридора и осматривался. Долго осматриваться ему не дали. Подскочила сестричка, даже по Вовкиным представлениям, почти девочка, и затараторила:

- Тебя на практику прислали? Где ты учишься? Вроде, староват для студента. Да ничего. Вот тебе ведро и тряпка. Пол помоешь, потом градусники по палатам разнесешь, пока температуру меряют – сдашь инструменты старшей сестре, градусники соберешь, завтрак раздашь, кто сам есть не может – с ложечки корми. Потом развезешь больных на процедуры, белье поменяешь, привезешь больных с процедур, получишь у меня лекарства и выдашь каждому, что ему прописано, не перепутай смотри!

У Вовки закружилась голова от такого количества заданий, но Владимир схватил ведро и тряпку и через пять минут пол блестел, градусники торчали подмышками у каждого больного, а инструменты были сданы, кому надо. Сестричка сидела на посту и болтала по телефону, расхваливая расторопного практиканта.

А Владимир носился, как городской щенок, попавший на загородные просторы, из палаты в палату, все успевал, ничего не путал и при этом громко рассуждал вслух, видимо, науськанный лунатиком:

- Вот это болеют люди, так болеют! Даже с кровати встать не могут! Кого разрежали, кого только собираются, кого вообще в морг повезли! Не то, что некоторые, которым торта не хочется!

С каким бы удовольствием Вовка треснул сейчас Владимира или лунатика этого. Хотя лунатика не видно, он сам говорил, что его в микроскоп не разглядишь. Интересно, микробу больно, если по нему попасть кулаком? От этих мыслей Вовку отвлек звонкий крик девочки-сестрички:

- Санитар! Больную из седьмой палаты в операционную!

Владимир немедленно выкатил в коридор носилки с уютно свернувшейся на них клубочком бабулей и помчался в операционную, по дороге уговаривая бабушку:

- На спину, ложись, бабуля, на спину!
- Ась? - переспрашивала старушка беззубым ртом, - какую картину?

Усталый врач встретил Владимира у входа в операционную, и, потирая воспаленные от бессонницы глаза, спросил:

- Тебя в институте хоть чему-нибудь научить успели? Ассистировать сможешь? Операция-то несложная – аппендицит.
- А как же! Могу сам любую операцию провести. Хоть сердце второе удалить, хоть пятую ногу. Вот раз меркуленок полез на стройку, а там предметы острые, обтечь их никак, ну и распался сразу на двенадцать луж. Думали, не спасти уже, но ничего, собрали всего до последней капельки в термос, а потом, как новенького, на Меркурий вылили.

Видно, врач, действительно сильно недоспал, потому что пропустил всю эту ахиною мимо ушей и разрешил Владимиру присутствовать при операции. Ух, как интересно! И врач, и Владимир одели на ноги огромные сапоги-бахилы, долго мыли руки какими-то противно пахнущими порошками и жидкостями, потом сестричка, не та, девочка, а другая, строгая тетенька, натянула им на руки резиновые перчатки, на головы белые шапочки, а на лица – маски. Да, уж лучше в больнице болеть, чем в поликлинике. В поликлинике сто человек стоят в очереди к одному врачу, а здесь одного больного вон сколько народа лечит! Медсестра. Стоит, держит поднос с инструментами. Вторая смотрит на экраны приборов и докладывает, что за цифры на них выскакивают. Анестезиолог усыпляет больного, но не совсем до конца, так, чтобы человека после операции везти не морг, а в палату. Ну и врач с Владимиром. Врач, стоя спиной к Владимиру, произносил совершенно непонятные слова, а Владимир ловко брал с подноса у медсестры восхитительные блестящие щипчики, зажимы, ножнички, скальпели, тампоны ваты; ничего не путая, подавал их врачу и принимал обратно. Через некоторое время врач, убедившись в сообразительности ассистента, и вовсе перестал говорить, а просто протягивал руку и получал то, что хотел. Все шло замечательно, и Вовка поверил, что в этот раз все обойдется, но тут взгляд Владимира стал не цепким и острым, как раньше, а каким-то слишком заинтересованным, и по этому взгляду Вовка сразу догадался, что ассистент вышел из-под контроля лунатика. Доктор снова протянул руку за спину, и Владимир с удовольствием ее пожал. Затем он со словами: «А это что еще за проводок?» потянул прозрачную трубочку с иголкой на конце, воткнув в руку старушки и выдернул ее. Обернувшись к стоящим слева приборам, Владимир заинтересовался разноцветными огоньками и с удовольствием покрутил колесики и пощелкал переключателями, а, взглянув через плечо врача на операционный стол, закричал:

- Мамочка! Бабушку зарезали, я боюсь! – и стал метаться по операционной, сшибая все на своем пути.

Врач, прошептав: «Мы ее теряем!» – упал в обморок. Над ним склонилась медсестра и анестезиолог. Вторая медсестра пыталась заставить работать раскрученную Владимиром аппаратуру. Вовка сжался в кровати. И зачем только он согласился работать в больнице! Теперь бедная старушка из-за него умрет! Чтобы не видеть происходящего, Вовка схватил «Волшебника изумрудного города» и постарался целиком уйти в разглядывание картинок. И у него получилось! Железный человек со своим топором загородил операционную. А зря! Лунатик вернулся, и, пока бабушкой никто не занимался, Владимир в два счета закончил операцию. Так что когда доктор очнулся и бросился к столу, бабуля сидела на жесткой поверхности и весело болтала ногами.

- Больная, немедленно ложитесь! – закричал врач.
- А зачем? – шелкнула ослепительно белыми зубами старушка, – у меня ничего не болит. Вот ведь медицина до чего дошла! За один раз все поправили: и слух, и зрение, и руки-ноги, и живот. Вот спасибочки! А я-то в больницу не хотела, думала, пусть дома помру!

Бабушка легко соскочила со стола, и крикнув: «Пойду соберу вещи, домой пора!», скрылась за дверями.

Доктор бросился к Владимиру, затряс его руку и горячо заговорил:

- Коллега! Вы прирожденный хирург! Я Вас не отпущу! Приходите к нам, возглавьте отделение, почту за честь Вам ассистировать! Благодарственное письмо в институт! Держите же его! – крикнул доктор, видя, что Владимир потихоньку продвигается к двери.

Да, вот-вот могло произойти разоблачение, и, оставив в руках подоспевшей медсестры резиновую перчатку, Владимир выскочил в коридор, где тут же исчез.

- Ну погоди, лунатик противный! – вглядываясь в лицо Дровосека, - шептал Вовка. – Может, тебя на Землю специально прислали для захвата. Одна старушка, другая, а там и до детей доберешься!
- Ты чего? – в ухе обиженно засопело. – Я бабушку знаешь как починил! Можно было и внешность подправить, сделать здоровью соответствующую, лет на двадцать, так ведь внуки не узнают!

На душе у Вовки сразу стало спокойно и хорошо. Раз все в порядке, можно и лимонадику попить.

- Когу давай за работу! – потребовал он.
- Не будет сегодня лимонада, - вздохнул лунатик. – Даже Владимира не покормил, а уж он-то точно заслужил. Пришлось спасаться бегством, в целях конспирации. Да я не жалею, что без денег остались, мне жизнь и здоровье человека – лучшая награда.
- Мне тоже лучшая, - покривил душой Вовка, страстно желавший хотя бы о глотке сладкой химической смеси.

Не улетай!

Когда мама пришла с работы, Вовка уже застелил постель.

- Mamochka, пошли к врачу, пусть меня выпишут! – предложил он. – Я ведь на самом деле не болею, так чего же садик пропускать? У нас там занятия, да и ты нормально поработать сможешь.

Мама удивилась такой сознательности, но возражать не стала, отвела Вовку в поликлинику, где получила справку о том, что Вовка здоров и может посещать детское учреждение. Когда шли обратно, Вовка остановился около стройки. Как хорошо, что есть люди, которые строят дома! Правда, квартиры в новых домах очень дорогие, но, может быть, если их настроят много-много, они подешевеют. Тогда папиной зарплаты хватит, чтобы въехать в новый дом и завести, наконец, дога. Мама считает, что их квартире не то, что догу, болонке места не найдется. Вовка решил завтра строителем поработать, чтобы ускорить собственный переезд в новый дом. После ужина он взял конструктор и долго тренировался с деревянными брусками. Строить оказалось совсем легко, надо иметь только немного терпения и аккуратности. Поторопился, положил брусок криво, следующий еще больше скривится, а потом и вся стена рухнет. Мама читала на диване книжку, и Вовка удивлялся, как тихо сегодня в квартире. «Это из-за того, что я к маме не пристаю, а играю, как положено ребенку, в свои игрушки», - догадался Вовка. Да, давно такого не было! Когда же бедной мама почитать, если, забрав сына из садика, она только и делает, что отвечает на бесконечные вопросы, выслушивает очень интересные истории, строит и запускает самолеты, вытирает разноцветные лужи после рисования красками, катает по полу машинки и стоит в шкафу за шубой во время игры в прятки?

В садике Вовка с аппетитом позавтракал, порадовав впервые за несколько дней бабу Люду и Ольгу Михайловну. Несколько раз он пытался потихоньку позвать лунатика, но тот то ли был очень занят, то ли проспал. А без него было скучно. Надо же, всего несколько дней прошло, как Вовка услышал странные высокие звуки, перевернувшие его привычную жизнь, и вот уже эту жизнь он без этих звуков не представляет. А ведь он и ругался с лунатиком, и боялся помогать ему, и пытался спихнуть невидимого гостя другим детям. А если бы удалось? Вот ужас! Вовка не был бы кондитером, парикмахером, грузчиком, а все забавные и опасные истории произошли бы с Милой Галкиной. И все вкусные вещи тоже ей бы достались. Да, читает она быстрее, но разве это главное? Вовка тоже потренируется и научится. Милка – задавака, каких свет не видывал, разве она стала бы работать грузчиком? Да она бы на меньшее, чем быть фотомodelью, и не согласилась! Правильно сделал лунатик, что Вовку выбрал, вот только куда же он пропал? А вдруг ему Вовкины капризы надоели, и он нашел кого-то, более покладистого, готового за «Чупа-Чупс» работать целыми сутками дворником? Нет! Его, Вовкин, лунатик не мог так поступить! Они же друзья, несмотря ни на что! И если другу надо, Вовка готов и без «Чупа-

Чупса» работать кем угодно, даже свои десять бабушкиных рублей не тратить, а добавить на починку корабля. Кстати, дворник – отличная профессия, и напрасно родители пугают детей: «Вот, не будешь учиться, станешь дворником!» Во-первых, можно гулять в любую погоду и сколько захочешь, во-вторых, одежда у дворников очень красивая, лучше даже, чем у врачей, в-третьих, лопаты и грабли им бесплатно дают. Да и по телевизору часто показывают, как очень талантливые люди, поэты и художники, подметают улицы. Очень они отличаются от тех, кого показывают в передаче «Парламентский час», про тех один раз посмотрел, и все, больше не хочется. Где же ты, друг? Отзовись!

Отозвался лунатик только после обеда, когда вся группа, по причине внезапной оттепели под руководством Ольги Михайловны достраивала снеговика. Снеговик строился с удовольствием, его нижний ком катался всей группой, средний – половиной, потому что первая половина устала, а третий, самый маленький ком докатывала и устанавливала одна Ольга Михайловна, потому что ни у кого не было сил, ни роста на его установку. Вовка весь день: и во время зарядки, и во время завтрака, и в утреннюю прогулку, и в тихий час, заставляя нервно вздрагивать чутко спящего Тимура, взывал: «Эй, ты здесь?» Но «Здесь я!» - отозвалось только на второй прогулке.

- Здесь я! – как ни в чем не бывало, пискнул лунатик.
- Где ты был? Почему не отзывался? – набросился Вовка, забыв о недавних обещаниях самому себе быть ненавязчивым и деликатным.

В голоске лунатика не было ни нотки раскаяния, как будто Вовкины переживания ничего для него не стоили. Писк в ушах звенел, как колокольчик:

- Вовка! Есть связь! Через несколько дней придет помощь! Я и с мамой разговаривал, и с начальником ракетодрома! Вот счастье, домой вернусь, маму увижу!

«Лунатик, дорогой! Наконец-то!» - захотел крикнуть Вовка, но вместо этого сухо буркнул:

- Докладываться надо. Думаешь, какая-нибудь Галкина стала бы на тебя за конфетки пахать?
- Прости, друг! – покаянно пропищал лунатик, и это «друг» так царапнуло Вовку по сердцу, что он сразу сбросил все напускное и разревелся:
- И ты меня прости, дорогой! Как я к тебе плохо относился! Никогда такого не будет!
- Ой, умора! – послышалось рядом, - Вовка наш совсем свихнулся! То с зайцем разговаривал, помочь ему обещал, а теперь у снеговика прощения просит! – закричал Пашка.

Ребята засмеялись. Вовке, чтобы не выдавать лунатика, пришлось припасть к снеговiku и жалобно застонать:

- Никто тебя не любит. Скатали и все! А вечером тебя большие мальчишки разломают, а если не разломают, все равно ты весной растаешь! Бедный, бедный снеговичок!
- Не расстраивайся, - бросилась утешать Вовку Ольга Михайловна, - мы, если этого сломают, нового сделаем!
- Так я тебе больше не нужен? – с дрожью в голосе спросил Вовка, отойдя от снеговика и шпиона-Пашки.
- Нужен! – твердо ответил лунатик. - Ракету мне все равно достраивать надо: одно дело, когда тебя спасатели с поломанным аппаратом заберут, а другое – если их встретишь, сам свои проблемы решив. А еще, - лунатик задумался, - ты мне теперь всегда будешь нужен. Даже на Луне.
- Тогда за работу! – радостно закричал Вовка, и к нему тут же подбежали добровольцы, решив, что начато строительство нового снеговика.

Строитель.

Вовка начал катать снежный ком, и когда ребята увлеклись как следует, потихоньку отошел к качелям. Качели в такую погоду никого не привлекали. Да на любой площадке вы не найдете желающих покачаться в оттепель или дождь! То есть желающие есть, но нет никакой

возможности, потому что под качелями тормозящие ногами об землю дети рано или поздно выбивают яму, а в яму стекает вода. Так было и так будет, никому не приходит в голову при строительстве площадок забетонировать крошечный пяточок. Вот вылить цистерну цемента под опасными лазанками, чтобы родители не разрешали по ним лазать – сколько угодно!

- Лунатик! - негромко позвал Вовка, - мы теперь вместе не очень долго будем. Можно, я сам буду профессии выбирать? В президенты проситься не стану, обещаю.
- Эх, чего для друга не сделаешь! – весело пискнул лунатик. – Валяй, заказывай!
- Строителем хочу!
- Пожалуйста!

Видно, лунатик очень постарался, потому что Владимир без всякой волокиты и расспросов очутился на стройплощадке за высоким бетонным забором. И не просто на стройке, а в деревянной люльке, которую раскачивал ветер на уровне девятого этажа. Владимир чувствовал себя уверенно, а вот Вовку затошнило, ноги у него задрожали, а голова закружилась. Вовка несолидно прислонился к стойке качелей, чтобы не упасть. Тут же подошла встревоженная Ольга Михайловна:

- Тебе плохо, Вовочка?
- Нет, - прошептал дрожащими губами Вовка, - просто снеговика жалко, второго.
- Тогда мы не будем его докатывать, - понимающе кивнула воспитательница и громко крикнула: - Все, прогулка закончена, строимся в пары и уходим!

Вовка почти повис на умной Галкине и на ватных ногах дошел до раздевалки. Потихоньку он стал привыкать к высоте, а, раздевшись, даже стал получать удовольствие от нее. Вид – закачаешься! (правда, люльку и так качало ветром). В руках у Владимира – мастерок, такой плоский совочек, и этим совочком большой Вовка ловко зачерпывает из ведра цемент, размазывает его по поверхности уже уложенных кирпичей и кладет сверху новые. Здорово у него получается, стена выходит ровной, недаром маленький Вовка вчера целый вечер с кубиками тренировался! Когда кирпичи или цемент кончаются, Владимир машет огромной жесткой рукавицей крановщику, и подъемный кран аккуратно опускает в люльку полное ведро или связанные в гигантский кубик красные прямоугольники. Кран, как умная собака, выполняет команды Владимира. Крикнет Владимир: «Майна!» - кран вверх нос задирает, крикнет: «Вири!», кран кланяется ему, опуская грузы вниз. Все шло замечательно, пока рядом был лунатик. Но когда его не стало, все пошло наперекосяк во всех смыслах этого слова. Владимиру большие рукавицы стали вдруг мешать, и он никак не мог почерпнуть плоским мастерком раствор, а те жалкие капли, которые удавалось подцепить, скатывались на пол. Скинув рукавицы вниз на голову столяра, Владимир кое-как накапал цемента на верхние кирпичи, выслушав снизу благодарность за то, что уронил рукавицы, а не ведро. Кирпичи не хотели держаться на тонком сероватом слое, кривились вправо и влево, вставали горкой, проваливались в непонятно откуда взявшиеся ямы. А когда кончился раствор и услужливый крановщик поднес новое ведро, кран на команду «Майна!» отреагировал, как взбесившийся тигр, сильно стукнув по люльке тяжелым грузом. Люлька накренилась влево, и Владимир чуть не вылетел из нее. Хорошо еще, от пояса тянулась к бортику прочная металлическая цепочка.

- Эй, Палыч, заработался ты совсем, иди, перекури, - крикнул крановщик, и люлька с Владимиром плавно опустилась на землю.

Видимо, лунатик задерживался, потому что от предложенной большому Вовке папиросы он не отказался. Во-первых, надо же когда-то попробовать, а, во-вторых, курили все. В носу немедленно защипало, в горле запершило, Владимир раскашлялся до слез.

- Ты, Палыч, сегодня точно перетрудился, - сказал пожилой усатый прораб. – Присаживайся, отдохни. А то и вовсе иди домой, норму ты выполнил, с меня – расчет!

Прораб захрустел пачкой десяток, Владимир рассеянно сунул их в карман и уже собрался идти с площадки, но вовремя сообразил, что маленьким дорогу одним переходить нельзя. Перекур закончился, все были заняты своими делами и на отдыхающего напарника внимания не обращали. «Палыч» уселся на какую-то бетонную плиту и стал осматриваться. Ага, качели! Новенькие, блестящие. Как не покататься! Подойдя к качелям, Владимир с огорчением увидел,

что под ними уже выбита ямка, а в ямке, конечно же, вода. Как дети пробирались на огороженную площадку, осталось загадкой, но исправить существующее безобразие в данный момент было в силах Владимира, и он приступил к работе. Подтащив к качелям тяжеленный мешок с цементом, большой Вовка опрокинул его над ямкой, подняв облако пыли, и, ухватив валяющуюся в грязи лопату, стал смешивать серый порошок с водой. Видимо, воды в ямке было недостаточно, потому что получившаяся каша была слишком густой, лопата в ней поворачивалась все труднее, а потом и совсем застряла. Теперь под качелями была не ямка, а холм с намертво зацементированным инструментом. Пожалуй, с водой было лучше, потому что ну высохнет же она когда-нибудь, а с лопатой и этим горбом вообще невозможно качаться! Пробегавший мимо прораб, увидев эту картину, просто остолбенел.

- Ты чего, Палыч, с ума сошел? Как теперь лопату выковыривать? И зачем гору под качелями сделал?
- Я как лучше хотел, - начал оправдываться Владимир, а то вечно дети в лужах под качелями ноги мочат, а мамы потом ругаются.
- А что? Дело говоришь! Сейчас поправим! И как сами не додумались?

Прораб позвал еще одного рабочего, и они втроем отодрали цементный холм от земли и отнесли его к груде строительного мусора. Потом в деревянном подносе приготовили раствор и залили площадку под качелями. Получилось гладко, ровно, красиво. Раствор быстро застыл, и большой Вовка с удовольствием покачался, не замочив ноги. А тут и лунатик подоспел, увел Владимира с площадки. А мама забрала Вовку из детского садика.

Как там, на Луне? Таксидермист.

Вечером, уплетая бутерброд с икрой, Вовка раздумывал, кем быть завтра. От того, что выбор почти не ограничивался, было очень трудно решить.

- Слышь, лунатик, а ты сам-то что посоветуешь? – спросил, запихав в рот последний кусочек, Вовка.
- Можно продавцом, милиционером, пожарным, инженером, официантом, воспитателем, слесарем...

Лунатик продолжал перечислять профессии – одна лучше другой! – а Вовка все никак не мог решиться и остановить его.

- Слушай, лунатик, а тебе самому кем быть хочется?
- Да тем, кто я есть! Космонавтом.
- Жалко все-таки, что мне не попробовать! Расскажи, как ты космонавтом стал?
- Ну, рассказать-то можно, только мой опыт тебе не пригодится.
- Это еще почему?
- Разные мы очень. У вас на Земле все не так, как у нас, - лунатик замолчал, видно, погрузившись в воспоминания.
- Давай рассказывай! А то улетишь, а я так ничего и не узнаю.
- Ну, слушай! Мы, лунатики, гораздо старше землян.
- Все что ли? – удивился Вовка. – У вас совсем детей нет?
- Да нет. Я хотел сказать, что Луна, хоть и вместе с Землей появилась, пригодной для жизни стала раньше, раньше и жизнь на ней зародилась. Еще древние лунатики сумели определить, что Луна – спутник Земли. А потом, как первые телескопы построили, да начали Землю изучать, волосы дыбом встали. Ужас что за планетка! Вся кипит, бурлит, как борщ на плите! Наша-то Луна давно остыла, атмосфера, что была на ней, оторвалась и в космос улетела, пришлось приспособиться и жить без воздуха. Ученые наши, что ни год, все новые теории выдвигают, откуда Луна появилась. Одни говорят – Бог создал, другие – от Земли откололась когда-то, третьи – что при гигантском космическом взрыве вместе с другими планетами появилась. Да все равно правды не узнать! И как стала обитаемой, точно никто сказать не может. А с Землей все понятно. Покипела, покипела, стала остывать. Мы первый свой

космический корабль сумели отправить на Землю только тогда, когда у вас динозавры завелись. Правда, без пилотов. Но все Ваши чудовища у нас на пленку засняты, не сомневайтесь! Выглядят пострашнее, чем в ваших фильмах! Ну, периодически посылали технику, следили, как у вас тут все идет. Людей увидели. Тогда пару раз запускали пилотируемые корабли. Не умели мы тогда еще уменьшаться так, чтобы нам ничего не было страшно: ни атмосферы разные, ни жара, ни холод. Похожи вы нас чем-то. Только рук у вас маловато и ноги вместо колеса растут. Глаза еще наверху. Но это оттого, что у вас поверхность более-менее ровная. Будь у нас глаза не на подбородке, мы бы все время в кратеры проваливались. Ого, смотрим, люди тоже до телескопов додумались. А сами дерутся все время между собой, войны дурацкие то и дело затевают без повода. Напугались, конечно, стали от вас прятаться. Разные для этого приспособления есть... А тут один наш ученый такую жидкость специальную создал: глотаешь ее и уменьшаешься до невероятных размеров. Да рассказывал я уже! И другую придумал, чтобы обратно превращаться. Мы уже лет двести с ее помощью куда хочешь, попадаем. Правда, сначала аварий было много. Вечная память нашим космонавтам! Корабли-то после гибели пилота саморазрушались, а тела погибших автоматически наращивали вокруг себя капсулы и носились в космосе. Некоторые на Землю падали. Слышал, наверное, ваши ученые иногда в метеоритах находят зачатки жизни? Потому и теория у вас появилась, что жизнь, может, и не на Земле зародилась, а из космоса прилетела. А это на самом деле наши лунатики, геройски в космосе погибшие.

Лунатик замолчал. Вовка долго, сколько мог, терпел. Целую минуту. Потом осторожно сказал:

- Мне их тоже жалко. Но ты все же мне про живых расскажи, которые сейчас летают.
- Ну что ж. Я решил, что буду космонавтом рано, еще в пятнадцатом классе. В детстве все хотят быть крючниками, а вот я...
- Кем-кем? – переспросил Вовка.
- Ах да, ты же не знаешь! – спохватился лунатик. – У нас самая почетная профессия – крючник. Я всего объяснить не смогу, но суть такова: надо на специальный такой крючок поймать солнечный свет, а потом, если ты хорошо учился и много знаешь, или талант у тебя какой есть, можешь из этого света что угодно создать. Одни создают песни, другие здания, третьи технику разную. Не всем крючки доверить можно. Вредителей у нас, вроде, не водится, но неумеха какой-нибудь такое создать может! Бывали, бывали случаи, когда то пистолет появится, то дом-развалюха, то песня мерзкая и привязчивая одновременно. Наказание неумехе страшное – он уже никогда никем работать не будет, и все будут его жалеть его. Так их, неумех, жалко, что их и кормят лучше всех, и развлекают по-всякому, и только добрые слова говорят. Нет уж, лучше сразу капсулой похоронной обрасти, чем жизнь такая! Тех, кто без работы совсем уж не может, в Марсианскую впадину отправляют, и они там в свое удовольствие крючат. Им хочется доказать, что они все равно и быстрее, и лучше всех все делают, а получается у них обычно всякая ерунда.
- Ну а про себя-то! Про космонавтов! – Вовка нетерпеливо заерзал в кровати. – Как вы тренируетесь и разные перегрузки выдерживаете?
- Да не тренируемся мы нисколько. Говорю же, разные мы, земляне и лунатики, вот и учимся одной и той же профессии по-разному. Что нам тренироваться, когда после уменьшения мы практически неуязвимыми становимся? Мы языки учим: венерианский, сатурнианский, землянский. Обычаи осваиваем, подолгу кино про инопланетян смотрим, чтобы привыкнуть и не испугаться при встрече.
- И никогда-никогда никаких контактов? – огорчился Вовка. Ведь вы можете столько хорошего для других сделать!
- Только в крайних случаях! – отрезал лунатик. – Слышал, наверное, как я в больнице про погибающего сатурника сболтнул? С тобой еще. Всякое бывает. Но мы стараемся, чтобы об этих контактах забывали.
- И я забуду? – Вовкин голосок предательски задрожал.

- Ну что ты! С тобой все по-другому. Знаешь, я ведь тебя успел полюбить. Мы никогда друг друга не забудем, и, может быть, еще не раз встретимся. Я теперь при любой возможности буду на Землю проситься.
- А я всегда-всегда буду тебя ждать, - Вовкины глаза сами собой закрылись, он споткнулся о лунный кратер, три ласковых руки подхватили его, чтобы уберечь от падения, и совсем рядом Вовка увидел доброе умное лицо, с любовью глядящего на него глазастым подбородком. Во сне.

На следующий день Вовка еле проснулся и сразу захотел быть таксистом. Лунатик непривычно долго мялся, и его «Ну, ладно» прозвучало не очень уверенно.

- Ой! – Вовка закатил глаза, - только не надо мне про отсутствие вакансий говорить! Машин в городе, больше, чем людей, а еще общественный транспорт ходит, водителей вечно не хватает. Вон, в каждом автобусе и трамвае объявления о приеме на работу висят! В конце концов, я и на машиниста электрички в метро согласен, там вообще деньги платят за то, чтобы водить поезд хоть кто-нибудь выучился.
- Проблем-то с устройством нет, - пропищало в ухе, - боюсь я просто тебя на такую работу оформлять, где людей покалечить можно. Вон, как в больнице получилось – опоздай я на минуту, и не было бы бабушки! У водителей работа очень уж ответственная, и, между прочим, все, что имеет руль, педали и движется, называется источником повышенной опасности.
- И велосипед?
- Про велосипед не знаю, - честно признался лунатик. – Да ты не горюй, вот закончу ремонт и, если время останется, обязательно посажу тебя за руль.
А на сегодня я такую халтурку подыскал – жалко отказываться. Работа разовая, платят отлично, а другой случай неизвестно когда представится.
- Ну-ну, - заинтересовался Вовка, - что это за дело такое, что его только сегодня можно сделать? Пожар тушить, что ли? Я с удовольствием пожарником стану, водителя на потом отложим.
- Нет, не пожарником. Таксидермистом.
- Таксистом, - поправил Вовка. – Ну, я так и хотел сначала.
- Да нет! – раздраженный Вовкиной непонятливостью пропищал лунатик и, кажется, даже ногой топнул, во всяком случае, в ухе что-то щелкнуло. - Профессия не с такси, а с животными связана.
- Ну конечно же! – сообразил Вовка, - надо что-то с таксой сделать! Я раньше думал, что всех, кто лечит животных, зовут «Доктор Айболит», потом узнал, что они ветеринарами называются, а теперь, выходит, для каждой породы собак отдельная профессия у людей есть? Таксидермист, коллидермист, дворнягидермист...
- Нет-нет! – пропищал лунатик. – Таксидермисты животных не лечат, а делают из них чучела.
- Из живых? – Вовка в ужасе подпрыгнул в кровати.
- Ну что ты! – послышался успокоительный писк. - Из мертвых, конечно. Ты в зоологическом музее был?
- Два раза.
- Ну вот, значит, видел разные чучела. Лошадь и собаку Петра Первого, мамонтенка Диму, птиц, зверей разных, летучих мышей. Некоторые животные уже вымерли; в природе их не встретишь, другие в неволе не живут, значит, в зоопарке их не увидишь; третьи, белая ворона, например, может, раз в сто лет, рождаются. А посмотреть-то на всех хочется.
- Да, - подтвердил Вовка, - я даже не знаю, что больше люблю: Зоологический музей или парк. Потому что в Зоопарке звери живые и очень интересно смотреть, как козы скачут, или лев ест мясо, а особенно, как обезьяны кривляются, точь-в-точь, как Валерка, когда Ольга Михайловна не видит. Зато в музее каждое животное можно как следует рассмотреть, они не крутятся и в домиках не прячутся. А сделаны – ну просто, как живые! Владимир для Зоологического чучело будет делать?

- Нет. Пока ты спал, я на болото смотался, надо было ценной древесины набрать, ведь починка к концу подходит, чего ж порожняком возвращаться?
- Да какая же в болотах ценная древесина? – удивился Вовка. – В болотах гадость всякая растет, кривые никчемные деревья.
- Ну, не скажи, - протянул лунатик. – Где болотистая местность, всегда ольху можно встретить, ох, и ценное дерево! Самое главное, ольха не гниет в воде; у вас, на Земле, есть колодцы из ольхи, так им по тысяче лет, и ничего, стоят. А вот новые, из бетона, лет через пятьдесят крошиться начинают.

Вовка задумался, переваривая информацию. Надо же, он знает все про Викторину Регию, у которой на листе целый человек поместиться может, про вырастающие за одну ночь заросли бамбука (вот бы самому так расти!), про огромную траву банан, а о том, что невзрачная привычная ольха такая полезная, даже не догадывался. В установившей тишине стал слышен приглушенный стеной мамин голос:

- Да говорю я тебе, надо ребенка к врачу вести. Он во сне бредит, и все про Ботанический сад и Зоологический музей.

И тут же сонный папин:

- Вот и надо вести его не к врачу, а туда, куда он хочет. Бред, как рукой снимет. Вспомни, когда мы последний раз культпоход устраивали?
- Так дорого же очень! – слабо запротестовала мама.
- Если сложить все десятки, им за год в автомат с плюшевыми зверушками засунутые, можно заграничный Диснейленд посетить!

Мама осторожно заглянула в комнату, и вместо обычного: «Подъем! Одевайся! В садик опоздаем!», молча присела на край кровати и опустила на Вовкин лоб ладонь. Не почувствовав высокой температуры, растрепала ему челку, как будто с самого начала так и хотела, и подмигнув, заулыбалась:

- У нас с папой сюрприз для тебя! В выходные идем в Зоопарк!
- Ура! – закричал Вовка и в благодарность оделся быстро, как метеор.

В садике баба Люда Вовке кашу накладывать даже не стала, привыкла уже, что он по утрам не ест. Вовка сидел за столиком, прилебывал какао и ждал, когда же лунатик расскажет, как связан его полет на болото с ценным заказом на изготовление чучела. И что это за чучело такое будет? Хорошо бы, медведь достался, ну, лось, в крайнем случае. Кто там еще на болоте водится? Мыши, зайцы? На всякий случай, Вовка заранее приготовился отказаться от изготовления чучела комара, пиявки и лягушки.

Владимир в высоких сапогах и пятнистом комбинезоне хлюпал по болоту. Вот он нагнулся и зачерпнул из лужицы пригоршню темно-коричневой воды и - вот кошмар! – с удовольствием выпил ее с ладони. Вовка поперхнулся какао и отставил недопитую жидкость.

- Ох, и пить перестал уже! – вздохнула баба Люда.

Вовка даже не стал ничего придумывать в свое оправдание, потому что болото оказалось очень интересным местом. Кажется, февраль, пусть и кончающийся, - зимний месяц. Ну да, оттепель, но в городе весной и не пахнет. А тут! Невысокие тонкие прутьки без листьев от корня до макушки покрыты красными почками, и некоторые уже лопнули. Из почек лезут вовсю крупные красивые цветки. Вот бы лунатик догадался, сорвал несколько! Скоро восьмое марта, у метро будут стоять черноволосые смуглые тетеньки и продавать мимозу. На самом деле это не мимоза, а акация, и вечно у нее веточки какие-то засушенные; желтые круглые горошины помятые и неопрятные. Вовка спрятал бы куда-нибудь чудесные прутьки, а потом бы маму удивил. В воздухе летает непонятная мелочь: не комары, не мухи, но все-таки что-то живое. И что-то другое живое касается поверхности черных луж, оставляя еле различимую рябь. Чахлые деревца, неопределимые без листвы, выпустили сережки, и, похоже, что миллионы гусениц уцепились за края веток и висят, не в силах подтянуться. Дунет ветер, и каждая гусеница на мгновение окутывается желтым воздушным облаком. Это летит пыльца, и от нее под каждым растением снег покрыт грязноватым неопрятным налетом. А вот и настоящая гусеница в толстой мохнатой шубе ползет прямо по снегу. Вовка даже не догадывался, что такое летнее существо может

путешествовать среди зимы. На кочках растет клюква, то есть она, конечно уже не растет, это прошлогодние ягоды оттаяли, но вид у них очень аппетитный, вон, и Владимиру не удержаться: то и дело наклоняется и отправляет в рот красные мягкие горошины. Морщится. Похоже, без песка лакомство кислотовато. Владимир ходил по болоту очень долго, группа уже и погуляла, и пообедала. В тихий час навстречу Владимиру из кустов вышел охотник. Это был молодой парень с сумасшедшими глазами.

- Эй, эй, подожди, - закричал он, выдираясь из цепких зарослей.

Выглядел парень не очень: мокрые штаны и куртка порваны, все лицо в грязных потеках, на руках - царапины, под глазом – синяк. Правда, синяк выделялся не сильно, потому что и сам парень был бледно-синего оттенка от холода.

- Где здесь станция, - дико озираясь, бормотал синеватый парень. – Я второй день по этому месту плутаю. Летом здесь грибников, ягодников! – ступить негде. Электрички ходят по летнему расписанию каждый час, на шум всегда к железной дороге можно выйти. А сейчас – пройдет товарняк три раза в день, да пара электричек – и все. Я сначала, вроде, в правильном направлении на звук иду, а потом вообще перестаю понимать, где нахожусь. Думал уже, навсегда в этом болоте останусь, - от жалости к себе у парня сделалось такое лицо, как будто он полболота клювы во рту раздавил. – Да еще клюква эта! Я витаминами на год вперед запасся, и видеть ее больше не могу!

- Ну, и чего ты, леса не зная, полез сюда? – вынимая из рюкзака сухую одежду, участливо поинтересовался Владимир.

- Охотник я, - сев прямо в лужу (все равно больше намочнуть было невозможно) и, выливая из сапога коричневую воду, заявил парень.

- Да какой из тебя охотник? Где добыча?

- Ой, сейчас принесу. Я как тебя увидел, обо всем забыл. Глухарь здоровенный, намучился его таскать.

- Все! Беру свои слова обратно! В это время глухаря подстрелить почти невозможно. Птица осторожная, скрытная. Глухаря позже бьют, когда он токует. Давно промышляешь?

- Нет, - с видимым удовольствием натягивая на посиневшую ногу сухой носок, сказал парень, и на его щеках сквозь голубизну пробился слабый румянец. – Я лицензию уже два года назад получил, Зачем, сам не понимаю. Не могу я в зверушек стрелять. Ведь каждая или ребенок чей-то, или мама. А может, папа. Я не различаю. Да хоть и никто, сам по себе, но жить-то хочет! Иногда прицелюсь уже, палец на курок положу, а выстрелить не получается: видно же, что зверь или ест что-то, или шкурку вылизывает, или просто на солнышке лежит, жизни радуется. А глухаря я нашел. Похоже, его лисица поймала. Сколько смогла, съела, а остальное бросила. Остались только перья, но выглядит, как настоящий.

Охотник, переодевшийся в сухое, бросился обратно к кустам и вынес оттуда ружье и огромную роскошную птицу. Ох, какая она была красивая! И черная, и зеленая, блестящая, с красными бровями, пушистой шапочкой на голове и белыми отметинами по краю каждого перышка на широких крыльях.

Владимир задвигал носом и состроил брезгливую гримасу.

- Ну да, - стал оправдываться парень, - протухла птичка. Пахнет немного. Недавно начала. Я же не знаю, когда ее лисица поймала. Что теперь с добычей делать, ума не приложу. Я-то хотел всем похвастаться, что сам подстрелил, а теперь, похоже, трофей бросить придется. Меня с такой ароматной птичкой и в электричку, небось, не пустят. Жалко. Красота-то какая! Видно, пока я глухаря за собой таскал, принюхался, а теперь мне то, как он пахнет, самому не нравится.

- Ох, и везучий же ты! – издали разглядывая красавца-глухаря, воскликнул Владимир.

- Тебе нравится? Забери! – великодушно заявил охотник.

- Я не про это. Я ведь таксидермист, чучельник по-простому. И все необходимое у меня с собой. Не пропадет твоя птичка, будешь всю жизнь ее друзьям и знакомым показывать, это лучше, чем небылицы про охоту сочинять. И кто в твоих охотничьих достоинствах усомнится? Ведь вот оно, доказательство!

- Ну, друг, ну, услужил! Давай-ка за работу, я помогу, если сумею.

И, вот жалость-то, на самом интересном Вовка заснул, потому что слишком долго вчера ночью с лунатиком разговаривал. А после тихого часа с трудом растолкавшая его Ольга Михайловна, сдвинув брови, спросила:

- Вова, ты же знаешь, что на прогулках можно собирать только то, что я разрешаю. А ты перо воронье, пусть и очень красивое, в спальню притащил. Вот, только что из-под подушки упало.

Ольга Михайловна продемонстрировала Вовке черное с зеленым отливом, как будто покрытое лаком, перо и строго добавила:

- Заберешь, когда будешь уходить, и больше вороньи перья не подбирай!

А Владимир и охотник уже мчались к городу в уютном и теплом вагоне электрички, ловя на себе завистливые взгляды. На коленях у охотника, разведя в стороны на всю длину скамьи и вытянув царственную голову к потолку, как будто собираясь взлететь, сидел глухарь. От живого не отличить.

Официант

Мама не могла нарадоваться: раньше Вовку в постель не уложить было. То он кино досматривает, то в игрушки доигрывает. Ей надо и в квартире убраться, и посуду помыть, да и книжку почитать, в конце концов, а вместо этого она Вовку уговаривает уgomониться. А если Вовка и оказался в постели, так она все равно книжку не себе, а ему читает. А тут ребенка словно подменили: поужинает и сразу просится спать. Правда засыпает долго, все бормочет что-то. И хоть ложится рано, утром не подняться.

О том, что лунатик рядом, Вовка догадался, когда ему на одеяло что-то упало.

- Вот спасибо, что догадался! – на ощупь собирая тонкие веточки, прошептал Вовка.

- Только аккуратно с ними, - предупредил лунатик. – Они, конечно, очень красивые, и еще более красивыми кажутся, потому что пока других цветов нет, но ядовитые – ужас!

- А называются как?

- Не очень симпатично. Волчье лыко!

- Ну и пусть! Я их сейчас в банку с водой поставлю и за шкаф ее спрячу. Бутонов много, как раз к восьмому марта распустятся.

Вовка незаметно прошмыгнул в ванную и вернулся с майонезной, наполненной водой, банкой. Цветы устроились за шкафом, а ладонь наполнилась чем-то мягким. «Клюква!» – догадался Вовка и стал по одной раздавливать во рту кислые ягоды. Потом вспомнил, как Владимир некипяченую болотную воду пил и забеспокоился:

- Слушай, а Владимир завтра на работу пойдет? Он гадость такую на болоте выпил, смотреть было страшно. Как ты разрешил ему? Или опять в отлете был?

- Никакой гадости он не пил. То, что вода в болоте коричневая, вовсе не значит, что там микробов полно. Она, хоть и темная, а все равно прозрачная, как «Пепси-Кола». Пахнет, конечно, не так вкусно, но пить вполне можно. Безопасно уж точно. Она вся через торф болотный профильтрована, а торф из мха-сфагнума получился, который вредные микробы убивает. Вон, теперь лекарство от живота есть, «Полифан» называется, так оно не то из торфа, не то из опилок древесных сделано. И на вкус, и на цвет – просто земля, а как живот заболит – съел пару ложек, и порядок!

Когда клюква закончилась, Вовка спросил:

- А еще что будет?

- Нет, - виновато пискнул лунатик. – Охотник совсем без денег оказался, пока по болоту блуждал, сумку потерял. Владимиру пришлось ему билет на станции покупать, да еще в метро жетончик. Звал, правда, с собой, хотел одежду вернуть и заплатить за работу, но я подумал – так намучился человек, пусть ему этот день, как самый удачный запомнится.

- Ну, пусть! – согласился Вовка. – А ты давай, дальше рассказывай! Про Луну. Может, у вас еще какие-нибудь исключения с землянами были.
 - Не без того. Мало этих исключений, по пальцам пересчитать можно. Вот например, лет сто назад один лунатик тоже подружился с мальчиком. Мальчик этот жил в Америке. Деньги на самокат копил, мороженое только раз в неделю покупал. Но, как узнал, что лунатик пропадет без его помощи, копилку свою разбил, и все-все, до последнего цента, другу отдал. А потом еще две недели газеты разносил, чтобы нужная лунатику сумма скопилась. Сам почтальоном работал, лунатик ему ничем помочь не мог, потому что тогда такая была безработица, что даже хорошие специалисты только дворником устроиться могли. Но лунатик все равно нашел способ друга отблагодарить. На Луне у нас все очень любят колддоги, это такая еда прохладная, вроде вашего мороженого. Внутри – дог, зеленая хрустящая палочка, а сверху – колд – мягкий соленый ледяной мешочек. Подогнали все под землянский вкус, и получились сосиски в тесте. Изобретение мальчишке кучу денег принесло. Только название пришлось изменить. По английскому «колд» - холодный, а кто же холодную сосиску захочет? Заменяли на «хот», горячий, значит. А вот в память о лунатике выросший мальчишка слово «дог», звучащее на его языке, как «собака» ни за что не соглашался убрать. Все до сих пор удивляются, почему у еды название такое странное. А теперь спи давай, а то совсем здоровье испортишь.
 - Ладно, а завтра официантом побуду, может кто «Хот-дог» закажет...
- В садике Вовка попросил каши, несказанно удивив Бабу Люду. Разве горстка клюквы на ночь – еда?
- Ох, а я на тебе уже кашу и не заказываю. Бери порцию Галкиной, не пришла она сегодня, наверное, заболела. Вчера чихала сильно, как бы не перезаражала всех.
- Вовка съел кашу, потом делал со всеми для папы из бумаги военную пилотку с красной звездой к празднику. Странный праздник. Раньше он назывался «День Советской Армии и еще чего-то», теперь «Днем защитника отечества», но все его как называли «23 февраля», так и называют. Поздравляют в этот день всех мужчин, независимо от возраста и от того, защищали они Отечество или нет. Вовкин папа никогда в армии не служил, и говорит, что лучше умрет, чем сына туда отдаст. А бабушка – медсестра, она в армии два раза была, на сборах. И в ее военном билете написано, что она – рядовой медицинской службы. Но бабушку никто не поздравляет, наоборот, она поздравляет папу и Вовку. Несправедливо, конечно, но все равно приятно. Вовка сделал пилотку аккуратно, особенно звездочка удалась - с острыми ровными лучиками. А у Тарелкиной вместо пилотки настоящая тарелка вышла, а вместо звезды – не то ромашка, не то еще какой-то цветок. Так у нее ни папы, ни дедушки, ни брата, одни женщины в семье. Дедушек вообще мало в жизни встречается, зато бабушек почти у всех по две-три штуки, еще и прабабушки попадают. Поэтому женщинам проще – им обычно одного мужчину поздравить надо, а вот на мужчину наваливается необходимость поздравить кучу женщин.
- Владимир предстал перед Вовкой только на прогулке. Он, конечно, не перед Вовкой появился, а в его голове. Было уже часов двенадцать. Порождение лунатика, подперев щеку рукой, сидело, одетое в черный костюм с галстуком, за столиком какого-то кафе и лениво жевало бутерброд с твердой колбаской, горячо любимой Вовкой. Лунатик запищал:
- Ну как работка, нравится?
- Отойдя подальше от ребят, Вовка зашипел:
- Я же просился в кафе работать, а не бутерброды лопать! Вчера без денег остались, а сегодня и вовсе свои отдавать придется! В кафе, знаешь, какие цены! Это тебе не жетончик на метро!
 - А Владимир и работает. Просто рано еще, посетителей нет. А колбасой его бесплатно угостили, так что не волнуйся. Подожди еще, как пойдет народ, ему и вздохнуть будет некогда.
 - Везет же людям! – завистливо протянул Вовка, - по кафе, по ресторанам ходят, едят все самое вкусненькое!
 - Да брось ты! – рассмеялся лунатик, - на ваш, на земной вкус, ничего нет вкуснее того, что мамы готовят. Каждая мама вкусы своих родных всю жизнь изучает, и каждый раз для своих, любимых старается. А здесь для всех – в одной кастрюле. А ведь кто-то посолонее любит, кто-

то поострее - на всех не угодишь. Поэтому, видишь: на каждом столике солонка и перечница стоят, вкус блюда исправляют. Самое вкусное здесь то, что готовить не надо, та же колбаска, к примеру. И ходят сюда по разным причинам. Одни – потому что им никто не готовит, а сами не умеют. Другие – других приводят и заказывают самые дорогие блюда, чтобы этих других удивить: вот мол, крутой я какой, могу за кусочек рыбки тыщу рублей выложить. Официанту это – лучшие клиенты. Они ведь «на чай» дают столько, что хватит и на кофе и на какао до конца жизни.

- Как это «на чай»? – переспросил Вовка.
- Так. Считается, что официанты очень чай любят, а зарплаты им на него не хватает. И каждый посетитель оставляет денег чуть больше, чем на еду потратил. А некоторые, которые приходят для того, чтобы других удивить, не чуть больше оставляют, а просто много. Это чтобы показать, что у них денег столько, что и девать некуда.
- Просто дураки какие-то, - удивился Вовка.
- Кто ж спорит? – поддакнул лунатик.
- Вот у меня бабушка целый день в поликлинике за маленькую зарплату уколы делает, и никто ей денег не дает. Иногда только конфеты или цветы. А она очень старается, и рука у нее легкая.
- Это потому, что те, кто удивляет, ходят в платные поликлиники. С собой ведь не возьмешь за компанию кого угодно укольчик сделать или клизму поставить...

День проходил неинтересно. Владимир изредка отрывался от стула и обслуживал одиночного посетителя. Заказывали в основном чашечку кофе, денег оставляли – ровно на стакан чая. Уже половину детей забрали, и тут только пошел народ. Мгновенно все столики оказались заняты, и Владимир черной стрелой заметался между ними, ловко держа поднос на неудобно растопыренных пальцах. Он выгружал на столики мисочки с салатами, горшочки с мясом, тарелки с картофелем и зеленым горошком, забирал грязную посуду, открывал шампанское, вытряхивал пепельницы и, скромно, потупив глазки, собирал «чаевые». Блюда были очень красивыми: все украшены листиками салата, веточками петрушки, сердцами из вареной моркови и розочками из сырого лука и яиц. Только Вовка заметил, что яйца, морковку, лук и прочую красоту все сгребают на край тарелки, да и основное блюдо поковыряют-поковыряют и отставят. А колбаса, действительно, исчезала бесследно. Не наврал лунатик, не умеют в кафе готовить.

Мама по дороге к дому расспрашивала Вовку о прошедшем дне, но Вовка отвечал невпопад, потому что за Владимиром следил. И не напрасно. Лунатик, видимо, снова на связь полетел, а может, дрова свои ольховые укладывает, потому что Владимир вдруг споткнулся и чуть не уронил с расставленных пальцев поднос. Все же он не растерялся и поставил плоское блюдо на ближайший столик. Заодно и кусочек колбасы с тарелки в рот сунул. Сидящий за столиком парень, весь обвешанный золотыми цепями, скрючил пальцы так, как это недавно делал сам Владимир и заговорил, растягивая слова: «Бли-ин, ты чо-о, на разборку напрашиваешься? Щас разберусь!» Большой Вовка испугался и залопотал: «Дяденька, Вы не ругайтесь, я сейчас! Поднос очень неудобный, и взялся я за него как-то не так. Я мигом все исправлю!» Маленький Владимир двумя руками вцепился в плоское блюдо, но все равно его не удержал, и на пол полетели тарелки и рюмки. Большой Вовка расплакался:

- Все! Мне теперь за эти салаты ни за что не расплатиться! Бедный лунатик! Как он теперь домой вернется?
- Обвешанный цепями сложил пальцы так, как они обычно сложены у нормальных людей и заговорил на языке, приближенном к нормальному:
- Ну, ты и придурок! Да не рыдай над салатом! Я и не думал, что официантам копейки платят. Держи! – и он протянул Вовке пачку незнакомых зеленых денег.
- Владимир взял, вытер рукавом слезы и подозрительно спросил:
- Это что, фальшивые рубли? Я смотрел по телевизору, как деньги ненастоящие делают.
 - Ну, точно, псих! – констатировал парень. - Баксы это. Ты, придурок, рассмешил меня. За то и плачу.

За соседнем столиком две симпатичные девушки щелкали пальцами. Потерявший контроль лунатика Владимир успел запомнить, что так подзывают его. Улыбнувшись заказчицам, он бросился за новыми порциями салата. А тут и лунатик вернулся.

Владимир работал до самой ночи. Вовка так и заснул, не дождавшись лунатика.

Воспитатель.

С утра все не заладилось. Мама отвела Вовку в детсад раньше обычного, потому что ей надо было сдавать отчет. Вовка ходил по игровой комнате и скучал. Вот они, игрушки! Машинка, из-за которой все вечно спорят, железная дорога, за которой всегда очередь, кубики, мячи: выбирай что хочешь! Выбирать не хотелось совершенно. Оказывается, одному играть просто невозможно! Потом стали подходить ребята, заспорили, кому какую игрушку брать, Тарелкина начала вырвать из Вовкиных рук паровоз, и сразу стало веселее. Но вдруг выяснилось, что Ольга Михайловна заболела и сегодня не придет. Бабе Люде, конечно, одной со всеми не справится, и заведующая детсадом, Александра Васильевна приняла решение разбить группу на части и эти части отправить в другие группы, по три-четыре человека. Поднялся страшный вой. Галкина, Потапов и Вадик Иванов хотели быть только вместе. Славик Милин категорически отказывался идти к малышам, а Женька Артемьева и Тарелкина, наоборот, боялись идти в подготовительную, где верховодили задиристые мальчишки.

Вовка тоже не хотел расставаться с товарищами, стоял в углу и шептал:

- Ну где ты, где? Быстрее давай!

Лунатик как будто его услышал и подал тоненький голосок.

- Помоги! – шепнул Вовка. – Мне надо обязательно стать Ольгой Михайловной!

- Когда?- деловито осведомился лунатик.

- Прямо сейчас! Иначе группу разобьют!

- А что с воспитателем?

- Заболела.

- Извини, но тогда это невозможно, - голос лунатика сразу стал скучным. – Представь, она узнает, что на самом деле и болела, и работала одновременно. Ты хочешь, чтобы любимая воспитательница с ума сошла? И, потом, кто же заплатит поддельной воспитательнице?

- Предатель! – зашипел Вовка и добавил вопиющую ложь, - для тебя деньги главное, а обо мне и не думаешь! Обещал, что буду, кем захочу, а сам! То одно опасно, то другое подвернулось...

Очень мне надо, понимаешь?

- Все-все, - лунатик сдался. Будешь ты Ольгой Михайловной.

И тут же дверь распахнулась, и Ольга Михайловна очутилась в игровой. Тряхнув головой, от чего на ковер опустились брызги от идущего на улице февральского дождика, она улыбнулась и весело сказала:

- Ну, вот и я! Что-то с утра неважно себя чувствовала, даже с работы отпросилась. А потом поняла – не могу без вас! – и примчалась.

- Ура! – завопила группа, а Вовка тихо прошептал: «Спасибо!»

Все-таки полностью подделать Вовку под всем отлично знакомую Ольгу Михайловну у лунатика не получилась. Она и смеялась как-то не так, и жесты делала непривычные, но в целом вышло неплохо. Ольга Михайловна, как всегда, была веселой, читала детям книжки, водила их на прогулку под противный мелкий дождик и играла в разные игры. Лунатик отлучался пару раз, но ничего страшного от этого не случилось: ведь Вовка умел играть не хуже воспитательницы. Единственным, чего не позволила бы себе и детям настоящая Ольга Михайловна - это прыжки через грязные лужи и дрызганье в них. Зато группа была очень довольна и под завистливыми взглядами детей из других групп с наслаждением колотила по растаявшему снегу палками, строила запруды на ручейках и промокала с головы до ног. Да это не беда: топят в садике хорошо,

поэтому после прогулки шкафчики остались пустыми, а вся одежда и обувь разместилась на батареях.

Вовка уже было решил, что день обойдется без неприятностей, но тут произошло такое, чего ни он, ни лунатик предусмотреть не могли. В группу с растерянным лицом вошла Александра Васильевна и неуверенно сказала:

- Ольга Михайловна, Вас к телефону!
- Ой, кто там еще? - обернулась Ольга Михайловна, - пусть перезвонят, нам тут только хвосты у тигров долепить осталось.
- Нет, Вы уж хвосты на потом оставьте! – дрожащим голосом возразила заведующая. - Потому что я так поняла, что это Вы звоните. Вы и представились, и голос Ваш я сразу узнала. Интересовались еще, как дела в группе идут. Я напугалась, честно говоря, сказала: «Подождите минуточку», и – за Вами. Сами разбирайтесь! Только будьте уверены: раз у нас по штату одна воспитательница старшей группы, значит только одна и будет зарплату получать! - она подозрительно окинула взглядом зал для занятий, как бы желая убедиться, что за каждым столиком не сидит еще по одной Ольге Михайловне.

Подозрительного ничего не было, дети старательно катали в руках колбаски пластилина. Вовка сжался в комок. Ох, зря он не послушался лунатика! Поддельная Ольга Михайловна побледнела, но потом взяла себя в руки и с милой улыбкой попросила:

- Александра Васильевна! Побудьте с детьми, пожалуйста, а я пока выясню, кто это так шутит. Или хотя бы нянечку дождитесь, она как раз за полдником пошла.

Поддельная Ольга Михайловна пошла разговаривать с настоящей и вернулась довольно быстро. Увидев ее довольное лицо, Вовка понял, что лунатик сумел как-то выкрутиться из неприятной ситуации.

- Нет, представляете! – смеясь, обратилась она к заведующей. – Ну и выдумщики! У нас через неделю будет встреча одноклассников. А один из них, Федотов Андрюшка – актер, пародист. Так вот чего придумал: звонит всем на работу и представляется каждый раз тем, кому звонит! А голос поддělывает так, что не отличишь. Один из нашего класса, Костя Гусев, до депутата дорос. У него сегодня горло болело, говорить не мог. Пришел на работу с забинтованной шеей, хрипит, знаками объясняется. И вдруг – секретарю звонок, и Андрюшка Костиным голосом серьезно заявляет:

- Это я, депутат Гусев Константин Тимофеевич. С сегодняшнего дня на работу ходить не буду, надоело мне своих избирателей обманывать! Работу жалко, конечно: легкая она, и платят прекрасно, да вот только не любит меня никто. Вон, опять на плакате с моим портретом усы мне пририсовали!

Секретарь решил, что его настоящий депутат от депутатства отказывается по телефону под дулом пистолета. А тот, что с забинтованным горлом – ненастоящий. Моргнув охране – они тут же настоящего депутата Гусева связали и стали требовать, чтобы он им рассказал, где депутат Гусев. Хорошо, что Андрей перезвонил и все объяснил.

Александра Васильевна пожала плечами и, буркнув: «Очень глупо!», сердито стуча каблуками, ушла в свой кабинет.

Вовке очень хотелось узнать, как лунатик объяснил появление копии Ольги Михайловне самой Ольге Михайловне, но приставать с расспросами к поддельной воспитательнице при такой куче свидетелей было немыслимо. Дело шло к вечеру, детей постепенно разбирали. Вовка надеялся, что мама из-за своего отчета сегодня задержится, но она пришла, когда в группе оставалось еще три человека. А лунатик-то молодец! Знал прекрасно, как Вовку гложет нетерпение, и нашел способ отправить маму домой. Глядя на нее честными глазами, Ольга Михайловна предложила:

- Знаете, я могу Вовочку попозже прямо Вам домой забросить. Сегодня впопыхах дверь захлопнула, а ключ в квартире оставила. Теперь надо ждать, когда муж с работы вернется. Мне все равно через Ваш дом идти. Одной-то в группе сидеть скучно. А мы и позанимаемся, и поиграем...

Мама легко согласилась, и Вовка с лунатиком через каких-нибудь пятнадцать минут остались наедине. Вовка собрался уже обратиться к другу по-приятельски, «лунатик!», но не смог, потому

- что видел перед собой воспитательницу. Хотел назвать ее по имени-отчеству, но это показалось глупым, он же знал, что Ольга Михайловна не настоящая! Немного помявшись, Вовка выпалил:
- Лунатик Михайлович! – и сам засмеялся.
 - Да ладно! – хихикнула ненастоящая воспитательница, на ее лице пробились усы, нос украсился очками, и скоро она приняла привычный для Вовки облик Владимира. – Так легче?
 - Здорово! – выдохнул Вовка. – А как ты это делаешь?
 - Ерунда! – отмахнулся Владимир-лунатик. – Беру представления из твоей головы и превращаюсь.
 - Но у меня в голове нет такого дядьки, как Владимир! Почему ты его выбрал, а не кого-нибудь другого?
 - Ой, в голове у тебя столько всего! Просто так все разложено, что ты и сам найти не можешь. Что-то нужное близко лежит, всегда под рукой, что-то далеко запрятано. Как в шкафчике с игрушками: играешь в кубики часто, вот они и лежат на самом виду, а что в глубине, вспомнишь, только когда разбираться будешь. Некоторое, давно не игранное, забылось совсем: достанешь, и кажется, что игрушка не твоя. А Владимир, между прочим, был первым человеком, которого ты увидел, он в роддоме тогда работал врачом. Конечно, за столько лет он изменился, но в твоей памяти остался таким, как я сейчас выгляжу.
 - Странно все это, - протянул Вовка, - надо будет как следует покопаться сегодня в игрушках, раз уж в мозгах своих не могу. А как ты, кстати, настоящей Ольге Михайловне объяснил, что она сегодня раздвоилась? Она не сойдет с ума?
 - Плохо все вышло, Вовка! – Владимир горестно покачал головой. – Мне сегодня пришлось заменить память всему детскому саду. Всем-всем ребятам во всех группах, потому что, как вы на прогулке дурачились, каждый видел. Всем воспитателям, нянечкам и родителям. И настоящей Ольге Михайловне тоже. Теперь все будут думать, что день прошел так, как и должен был пройти, не появившись вторая Ольга Михайловна. Так что имей в виду, что уже через несколько минут сюда прибежит твоя мама, впервые в жизни забывшая забрать из детсада ребенка. Ты у Александры Васильевны побудешь, а мне исчезать пора. Владимир протянул руку и погладил Вовку по макушке. Так нежно и ласково, что Вовка закрыл от блаженства глаза и как будто снова очутился во сне, где трехрукий великан бережно нес его через лунные кратеры. Потом по мягкой пыли неуместно звонко зацокали каблуки, и открывший глаза Вовка с ужасом уставился на возникшую на пороге Александру Васильевну.
 - Где воспитатель? Кто Вы такой? – закричала удивленная заведующая. – Посторонним детей не выдаем!
 - Это не посторонний! – вступился за друга Вовка и выдал неожиданно для себя, - это мой папа!
 - Ну, конечно! А то я Павла Алексеевича не знаю!
 - Ну и что! – не растерялся Вовка. – У меня теперь еще один есть! Как у Максима Сеничева! – в голосе у Вовки неожиданно проскочили хвастливые нотки.
 - Извини, - почему-то покраснела Александра Васильевна, - я не знала, что твои родители разошлись.
 - Эх, семь бед – один ответ! – крикнул лунатик и, хлопнув в воздухе, исчез, что Александру Васильевну почему-то совсем не удивило.
 - Задерживается твоя мама, - озабоченно поглядывая на часы, пробормотала она. – Может, позвоним?
 - Да нет, придет сейчас, - устало сказал Вовка, сообразивший, что в голове у заведующей порылся лунатик, полностью стерший там память об испугавшем Александру Васильевну постороннем усаче.
- И, точно, мама вошла и долго извинялась за странно подведшую память. На следующий день никто, кроме Вовки не помнил о том, что было вчера, хотя некоторые родители удивлялись, почему у их детей одежда не успела просохнуть за ночь.

Ветеринар

Вовке досталось идти в младшую группу вместе с Портновой Машей, Милиным Славой и Тимуром. Воспитательница на новеньких не обращала почти никакого внимания, да это и понятно: малышня вела себя просто отвратительно. Носятся, орут, дерутся, пристают к большим. Неужели Вовка тоже был таким? К Маше выстроилась очередь из девочек, и она заплетала им косички. Тимур был вражеским шпионом и, надев на него пластмассовые наручники, малышня выпытывала у него план нападения на младшую группу. Милин Слава так рывкнул на мелюзгу, что к нему приставать не стали. Ну, Вовка тоже к нему пристроился.

Вовка с вечера попросился в ветеринары, и отказа со стороны лунатика не последовало. Как Вовка мечтал завести хоть кого-нибудь! Лучше всего собаку, но можно кошку, хомяка, крысу, птичку, рыбок, больших тропических таранов. Все упиралось в маму, которая тараканов, мышей и крыс почему-то не любила, а про все остальное уже несколько лет говорила одно и то же:

- Вот будет площадь побольше, тогда... Представь только, вдруг переезжать придется: как аквариум перевозить? Кошки к дому привыкают, а собака на новом месте тоже может растеряться и убежать. Знаешь, как будешь плакать? Заведи черепаху. Ей места много не надо, и перевозить удобно.

Новой площади все не появлялось, годы шли. Собакой в доме даже не пахло. А черепаха что? Неинтересное животное. Только ползает и какает. По голове не погладишь – прячет, а панцирь гладить даже глупо как-то. Вон, у Помуаревой квартира такая же, а кого там только нет! Два хорька, перепелки, несущие крошечные пятнистые яички, морская свинка с широким воротником вокруг жирной шейки, аквариум с рыбками, улитками и раками, кролик с розовыми прозрачными ушками, а главное – целых две собаки! Огромный мраморный дог Скэри Бум и какая-то крошечная хорошенькая ерунда Арс Лонга. Имена у собак такие странные, потому что собаки не русские. Удивительно все же, что бывают животные-иностранцы! Перепелки, кстати, тоже родились не здесь, а в Японии. Насчет маленьких курочек неизвестно, а вот и Скэри Бум, и Арс Лонга прекрасно понимали как русский язык своих хозяев, так и лай, повизгивание и рычание собак, родившихся и выросших в России. Скэри Бум, кстати, кашлять начал, Помуарева говорила, что лапы промочил. Вот бы Вовку, Владимира то есть, к нему вызвали! – мечтал Вовка над чаем с двумя печенюшками. Собака сразу бы поправилась. Мечтая о том, как вылечит пятнистого красавца, Вовка вдруг увидел Владимира, который, помахивая объемистой сумкой, размашистой походкой шел по раскисшей от грязи дороги мимо черных с островками мокрого, но все равно белого снега к темной полосе леса. Наверное, перепутал что-то и снова в таксидермисты подался. Но вот он свернул к серому покосившемуся сараю, и через несколько минут Вовка очутился в необыкновенном мире. На невысоких насестах в сером свете февральского утра дремали толстые облезшие куры с просвечивающей через редкие обломанные перья розовой кожей; в деревянных стойлах жевали сено большеглазая корова с влажным розовым носом и красавец конь, у которого по шее то и дело сама собой бегала волнами блестящая черная шкура. Насесты повыше были пусты, видно, лысые курицы не могли туда взлететь. В самом дальнем углу сердито тряс рогатой башкой рыжий бык, время от времени лениво пробуя копытом на прочность дощатую дверь и стены. Ну, о таком Вовка даже и не мечтал! Он просто как-то забыл, что к домашним животным относятся и эти, которые даже в самых больших городских квартирах не поместятся. Владимир деловито открыл стойло и подошел к черному коню, протягивая ему на ладони корочку хлеба. Конь подхватил угощение нежными плюшевыми губами и еще несколько мгновений перебирал кожу на руке Владимира, подбирая крошки. Владимир улыбался: видно, ему было щекотно и приятно одновременно. Корова, вздыхая, вытягивала из-за загородки добрую морду, и Владимир протянул и ей корочку. Морда не дотягивалась, но корова не растерялась: высунула длинный язык и, свернув его в кольцо, утащила хлеб в рот. Вот бы кривляке-Валерке такой язык! Он бы кого хочешь перекривлял!

Владимир, поглаживая живущую отдельной жизнью шкуру коня, обошел его и с огорчением посмотрел на бедное разбитое копыто.

- Ничего, ничего, лошадка! – тихо заговорил Владимир и, воровато оглянувшись на закрытую дверь, пощелкал в воздухе пальцами.

Тут же в его руках оказалось копыто целое, и он неуловимым движением поставил его на место больного. Разбитое же, отделившись от ноги, куда-то исчезло.

- Ну, вот и порядок! А то безобразие какое! Научились ногти накладные, волосы искусственные делать бездельникам всяким, а о тех, для кого накладные копыта и перья – условие выживания, не подумали. Ничего, сейчас и курочек подправим!

Выйдя из стойла, Владимир подошел к насестам и, вытащив из сумки пучок белоснежных перьев, стал втыкать их в розовые тушки. Курицы, похоже, ничего не чувствовали, потому что даже не проснулись. Владимир так увлекся, что не слышал, как скрипнула дверь, и в сарай вошел мужчина в клетчатой кепке. Он несколько минут с интересом наблюдал, как Владимир утыкивал кур перьями, удаляя по мере необходимости старые, а потом деликатно кашлянул. Владимир аж подпрыгнул.

- Простите, что помешал, - извинился мужчина. Я – ветеринар, сам Вас и вызвал, справиться не мог. Давайте знакомиться! – и он протянул широкую, в трещинах ладонь, - Константин.

- Владимир! – протягивая ладонь поуже, - представился большой Вовка.

- Как это Вы так ловко моих облезлых птичек в лебедей превратили? – поинтересовался Константин. – У меня перьев – четыре подушки, но я никогда не слышал, что их можно обратно в курицу вставлять. Попробовать, что ли?

- Нет, у Вас не получится. Перо предварительно обработано специальным составом. Методика новая, - ответил Владимир. – Слышали, наверное, как из лысых волосатых делают?

- Так денег же берут кучу! Если б я знал, что по новой методике, так и не вызывал бы Вас! У колхоза денег не хватит за эту красоту расплатиться!

- Не волнуйтесь! У нас проводится рекламная компания. Если у Вас облезают курицы, тогда мы идем к Вам, но деньги берем, как за обычный визит. Вот потом, после компании, к нам обращаться точно не стоит. Дешевле новых кур купить.

- Значит, как договаривались, триста рублей? – просветлел Константин. – А сделали-то тысяч на десять, не меньше! Вот повезло, так повезло! А ведь мы можем быть полезны друг другу! Например, Вы будете к нам совсем бесплатно ездить, а я Вам такой заказ выгодный устройю! У нас рядом крутой бизнесмен страусиную ферму открыл, так у него страусы тоже облезают. Давайте сразу возьмем быка за рога!

Ой, видно лунатик снова отлучился, потому что Владимир подозрительно быстро согласился с этим предложением и, широко улыбаясь, направился к стойлу с быком, где немедленно вцепился в рога не ожидавшего такого бесцеремонного обращения животного. Бык от удивления несколько секунд стоял неподвижно, с удивлением изучая повисшего на его голове дядьку, потом издал дикий рев и, мотнув головой, сбросил наглеца на землю. Затем он одним ударом копыта вышиб дверь и, угрожающе выставив рога, бросился на Владимира.

- Ой, мамочка! – взвизгнул тот и, распахивая проснувшихся кур, полез на насест.

Курицы, махая лебедиными крыльями и громко кудахтая, взвились под самый потолок, где бестолково заметались, сталкиваясь и роняя на пол белоснежные перья; Владимир, непрерывно выкрикивая: «Мамочка, боюсь!», умудрился забраться на верхний насест и тут же заплакал: «Дяденька, уберите быка! Таких зверей в намордниках водить надо и на поводке! Или в нарогниках!»

Курицы вернулись на привычное место, Константин ловко загнал быка обратно в стойло и крикнул Владимиру:

- Готово, слезайте!

- Нет, страшно! – еще громче заплакал большой Вовка и вцепился в насест, как пиявка.

- Да невысоко совсем, - уговаривал его ветеринар, подтаскивая поближе стремянку. - Зачем Вы вообще Борьку за рога хватали? Может, методика втыкания перьев у Вас и хороша, но настоящий специалист по животным никогда такой глупости не сделает.

Лунатик вернулся, и Владимир, не дождавшись времянки, самостоятельно покинул насест.

- Понимаете, - объяснил он, я еще рог хотел Вашему Борьке заменить. Трещинка там небольшая имеется. Со временем расширится, очень некрасиво будет.

Владимир вытащил из сумки рог и, бесстрашно подойдя к свирепому Борьке, без усилий заменил ему треснувший рог на новый. Бык и не подумал буяннить.

- Сколько? – спросил ветеринар.

- Подарок от фирмы, - отчеканил Владимир и захлопнул за собой дверь.

За спиной немедленно раздалось сумасшедшее кудахтанье: видно, Константин пытался безуспешно вставить курицам выпавшие перья.

Владимир исчез. Подошло время тихого часа. Набегавшаяся малышня вместе с замученными Машей и Тимуром сразу отрубилась, а Вовка, почесывая ухо, тихонько шептался с лунатиком:

- Плохая, наверная, Луна. Животных у вас совсем нет...

- А вот и не плохая! – рассердился лунатик. – Луна прекрасная, а животных там больше, чем у вас! Вот если на Луне окажешься, обязательно ее полюбишь! И хватит в ухе ковыряться! Мне-то не больно, конечно, но неприятно как-то.

- Ну, извини, извини. Я не нарочно, просто зачесалось. А я, правда, побываю на Луне? Когда? – загорелся Вовка.

- Не когда, а если, - поправил лунатик.

- Расскажи мне о лунных животных, - попросил Вовка.

- Обо всех не расскажешь! Начну с самого замечательного зверя. Зовут их лориками; они для нас – как для вас собаки. Такие добрые, ласковые... Я своего с лорчонка вырастил. Колддоги любит – за чешую не оттащишь! Только возьмешь у крючника колддог, а он уже тут: глазки на стебельках поднимет, молнию на пасти расстегнет, встанет на передние лапки, а задними в воздухе машет, просит, значит, кусочек. Только лорикам много соленого вредно, чешуя облезать начнет.

- Не симпатично как-то ваши лорики выглядят, - протянул Вовка. – Чешуя, молния на пасти. Кусаются, небось...

- Да что ты! – голос лунатика был полон любви и нежности, - молния нужна, чтобы лорик всех подряд не облизывал. А чешуя... Ну что ж, если привыкнешь, она совсем не мешает.

- И вы их прямо по чешуе гладите?

- А зачем? – удивился лунатик, - лорик сам тебя гладит. – У него на лапах такие мягкие ворсинки. Он тебя гладит, и от этого очень хорошо становится.

Вовка отвлекся от прямой темы разговора, потому что его сейчас заинтересовало совсем другое, о чем лунатик упомянул лишь вскользь.

- А вот ты сказал: «Возьмешь у крючника колддог». Они что, бесплатно отдают?

- Не совсем. Крючник, если возьмешь у него что-нибудь, или в доме поселишься, который он построил, споет тебе песню. Конечно, ему же приятно, что он не напрасно трудился!

- Эх, у нас бы так! – завистливо вздохнул Вовка. – Да я бы за бесплатное мороженое любые песни слушал, даже такие, которые «Руки вверх» поют!

- Да, гадость порядочная, - согласился лунатик. – Но у нас только хорошие песни можно петь, я тебе как-нибудь исполню.

И хотя Вовка вроде и не носился полдня, как остальные, но все же заснул.

ПРАЗДНИК

Наконец наступило двадцать третье февраля. В садик идти не надо. Работы в праздничный день тоже не нашлось.

Вовка с утра поздравил папу – подарил ему пилотку. Пилотка была маловата, но это не страшно, ведь все равно в бумажной шапке не будешь по улицам ходить. Папа очень обрадовался и поздравил сына тетрисом. И мама поздравила. Фонариком. А Вовка вдруг подумал, что надо бы и лунатику что-нибудь подарить. Он, кажется, мужчина, хоть и превращался в Ольгу

Михайловну. У Вовки оставалось несколько рублей от бабушкиных десяток, и он решил купить и надписать космическому другу красивую открытку. Ларек был недалеко от детской площадки, и, когда мама оставила Вовку одного, он отправился к нему, хотя мама, уходя, не забыла сказать: «С площадки – ни шагу!» У ларька стояли здоровенные пацаны – два толстых и один худой.

Самый жирный, с противной лысой головой, лениво сплюнув сквозь зубы, негромко приказал:
- Ну, Буратинушка, вытряхивай бабки!

Вовка даже не понял сначала, что это к нему обращаются, и продолжал топтать, пересчитывая на ладони блестящие железные кружки. Тогда лысый загородил ему дорогу и схватил за руку:

- Глухой, что ли? Делись денежкой, кому сказано!

Вовке сразу стало жарко. И страшно. Он попытался вырвать руку, но хватка лысого была крепкой и сильной. Вовка сжал в кулаке деньги и хотел закричать, но почему-то не кричалось. И вдруг кто-то положил руку ему на плечо. Вовка обернулся и увидел еще одного пацана. «Все, теперь точно деньги отнимут!» – завертелось у него в голове, но новенький так славно ему подмигнул, что сразу стало ясно: пришла подмога.

- Ребята, давайте миром разойдемся! – ласково предложил новенький.

- А тебе-то что? – снова сплюнул лысый. – Это наша добыча. Можем тебе рубля два отстегнуть, если Буратино богатенький.

- Мой друг добычей не был и не будет! – отрезал новенький.

- Посмотрим! Ну-ка, Скелет, врежь ему!

Мерзко улыбаясь, худющий парень – точно третьеклассник! – стал угрожающе надвигаться на новенького, а, значит и на стоящего перед ним Вовку. Вот ужас-то! Вовка даже глаза закрыл. И почувствовал, как железная хватка на руке, наконец, отпустила. Послышался удаляющийся топот. Вовка рискнул открыть глаза. По тротуару, не оглядываясь, неслась неприятная троица. Вовка оглянулся и увидел, как в воздухе растворяются очертания кого-то, похожего на крокодила, только без хвоста и на шести лапах. Растворясь, крокодил приветственно поднял вверх на стебельках сотню мигающих глазок и передней лохматой лапой застегнул молнию на усаженной острейшими зубами длинной морде. Купив открытку с цветами и свирепым солдатом, Вовка благополучно вернулся на площадку.

Дома Вовка ходил из угла в угол и мучался, не зная, что написать на открытке. Обычные слова: «Желаю счастья, здоровья!» писать не хотелось, а ничего особенного в голову не приходило. И вдруг... Вовка схватил ручку и быстро, пока мысль не убежала, написал:

Любимый, милый мой лунатик! Ты самый лучший друг, конечно.

Я твой трехглазый подбородок хочу погладить очень нежно.

Здорово получилось, прямо как у Пушкина! Вовка обрадовался и побежал обедать, оставив открытку на столе. А через несколько минут на кухню вошел растроганный папа, прижимающий к сердцу нарисованные гвоздики и незаметно стряхивающий с ресниц слезу:

- Ну сын, спасибо! Может, ты к вечеру хотел мне открытку подарить, но я сам нечаянно наткнулся. Какие стихи! И про лунатика правильно: буду стараться ложиться пораньше. И про подбородок хорошо, только непонятно.

Вовка растерялся и уже хотел объяснить папе, что открытка не для него, а потом понял, что делать этого нельзя. Папа так рад, зачем же праздник портить? И про лунатика молчать надо. Поэтому Вовка сказал:

- Я хотел, чтобы два глаза было, и посередине лица, но так стихи никак не получались. Я тебе, когда вырасту, еще лучше напишу.

А мама, прочитав открытку, тревожно сказала:

- Пожалуй, стоит документы надо не в математическую школу подавать, а в другую, с литературным уклоном. Интересно, есть такая? У ребенка явный талант, вот и Ольга Михайловна заметила.

Обед прошел за обсуждением Вовкиного будущего, и в мечтах папы с мамой он уже закончил школу, поступил в литературный институт и стал знаменитым писателем. А Вовка думал, где ему

раздобыть еще одну открытку. К ларьку идти было страшно, и Вовка решил, что подарит лунатику стихи так, без открытки.

Ну, лунатик расчувствовался! Не хуже папы. Да это и понятно: стихи-то специально для него писались. А Вовке он подарил лунную песню. Такую, такую! Эх, да чего говорить, это слышать надо! К ней бы еще мороженое бесплатное! И мороженое появилось, хоть Вовка ничего и не заработал. А еще лунатик без ссылок на опасность профессии разрешил Вовке завтра быть милиционером. Праздник все-таки! Правда, за один день в милиции денег не дают, там зарплата раз в месяц, и ту задерживают. Расправившись с сахарной трубочкой, Вовка спросил лунатика:

- Там, у ларька, лорик был?
 - Точно! Я, конечно, глупость сделал, что в лорика превратился. Надо было бы в вашу собаку, пострашнее: добермана там, или волкодава. Но, если честно, сам напугался, и времени подумать не было. Превратился просто автоматически. Надеюсь, они теперь забудут, как у маленьких деньги отнимать.
 - А я лорика сразу узнал! – похвастался Вовка и тут же соврал, - и не испугался ни капельки! Ничего зверек, симпатичный. Если бы мама увидела, сразу бы на кого угодно другого согласилась бы.
 - Это точно!. Только я своего лорика ни на кого не променяю. Ведь он мне жизнь спас.
 - Расскажи! – Вовкины глаза загорелись.
 - Провалился я как-то в кратер по собственной глупости. Глубокий, самому никак не выбраться. Стенки, хоть и пологие, но колесо на середине соскакивает, и снова дно. Лорик меня нашел. Стоит на краю кратера, задними лапами болтает так, что кажется, вот-вот оторвутся. А потом убежал и крючника привел. Тот быстренько перила к кратеру пристроил, ну я и вылез. А лорик меня гладит, гладит... Я ему даже молнию расстегнуть разрешил, домой весь слюнявый вернулся.
 - У нас собаки тоже людей спасают, - вздохнул Вовка, - только нет у меня собаки.
- Не горюй, - утешил друга лунатик, - будет у тебя собака. Обещаю.

МИЛИЦИОНЕР

Вот это да! Оказывается, сегодня Владимир будет ловить очень опасного преступника! Вовка все ждал, когда ловля начнется, но она все откладывалась, а Владимир ходил по скучным кабинетам и подписывал скучные бумажки. Вовка уже пришел из садика, от нечего делать посмотрел «Спокойной ночи, малыши!» и лег в кровать, решив, что милиционером быть совсем неинтересно, как вдруг, видимо, получив последнюю подпись, Владимир выбежал на улицу, запрыгнул в машину с мигалкой на крыше, и шофер, распугивая встречный транспорт, помчал его по ночному городу. Сзади пристроились еще три такие же машины. Шофер рулил, как сумасшедший, что, впрочем, не мешало ему болтать:

- Давай знакомиться! Вроде, ты новенький. Засад не боишься? – он протянул ладонь, ведя машину одной рукой.
- Да ну, ерунда какая! – пожав руку, ответил Владимир. – Я в засадах полжизни провел! Меня специально из самого главного управления к вам прислали, чтобы все хорошо получилось. А зовут Владимиром.
- Тетка, значит, - сказал шофер, - я тоже Вовка. Не знаю, как там в самом главном управлении, а у нас сегодня задача трудная. Преступник этот, по кличке «Белый» должен сегодня на встречу с другим преступником прийти. Дом-то мы знаем, не знаем только, где они встречаются.
- Понятно где! – вмешался Владимир, - преступники, они встречаются или на чердаке или в подвале. В квартирах-то обычные люди живут.
- Соображаешь! – похвалил Владимира шофер, - ну, вот мы и приехали.

Машины остановились около двухэтажного домика (просто удивительно, что он сохранился почти что в центре города), из них выскочили другие милиционеры и сразу стали совещаться, где лучше всего засаду устраивать. Последним к ним подошел молодой милиционер с собакой.

- Ну вот, - расстроились все хором, - дело серьезное, Белый, даже, может, вооружен, а нам опять Лизуна подсунули!

Молодой милиционер, которого звали Гришей, начал оправдываться:

- Ну правда, ребята, больше взять некого было. Крюгер заболел, у Злодея другое задание, Тиран выходной. А Лизун, он тоже ничего, страшный с виду...
- Вот именно, что с виду! А ну, Лизун, фас! – крикнул один милиционер, указав на пробежавшего мимо полосатого кота.

Огромная овчарка, умильно виляя хвостом, вытянула к кошке морду, явно намериваясь облизать полосатика. Полосатик зашипел и замахнулся на нахала лапой. Лизун в ужасе поджал хвост и даже глаза закрыл. Все, кроме Владимира, засмеялись. Владимир не смеялся, потому что лунатик куда-то отлучился. Жалобно поглядев на молодого милиционера, он тихо попросил:

- А можно погладить? Не укусит?
- Можно погладить, подергать за хвост, укусить за нос, выщипать всю шерсть. Если Лизун кого-нибудь укусит, я сам лично ему медаль за храбрость вручу.

Владимир нагнулся к огромной овчарке и ласково опустил руку на густую шерсть, которая пружинила, как ковер в Вовкиной комнате. Лизун провел по щеке теплым языком, и Вовка пропал. Не сможет он теперь жить без этой самой ласковой, самой шерстяной, самой умной в мире собаки!

- Он не трусливый, просто обидеть никого не может, - выпрямляясь, прошептал Владимир. - Если Вам не нужен, отдайте мне.

Вовка даже голову под подушку запихал, чтобы не видеть, что происходит. Но все равно видел. Как Владимир не понимает, что собака и мама – вещи несовместимые? Вот отдадут собаку, куда Вовка ее денет? Хотя слов нет, очень хочется. И именно эту. Но молодой милиционер засмеялся:

- Да мы бы с радостью, только как? Собака у нас работает, на нее и зарплата выписывается, и все документы оформлены. Если бы можно было ее уволить, а на ее место другую собаку взять, я бы хоть сейчас отдал. Одно мучение с ней!

Видно было, что большой Вовка расстроился, и, расстроенный, встал, вернее, сел в засаду. Место ему досталось самое плохое – не на чердаке и не в подвале, где должны быть преступники, а на лавочке у подъезда. Владимир ежился под мелким зимним дождиком, а рядом, нарушая правила выгула собак, то есть без поводка, слонялся с Лизуном Гриша. Укладываясь спать, каркали вороны, в кустах шуршали кошки. Владимир прислушался – а вроде, и не кошки. Точно! Двое переговаривались свистящим шепотом:

- Ну как, Белый? Пойдем завтра грабить?
- Конечно! И еще побьем кого-нибудь!

Точно, преступники! Надо же, хитрые какие! В дом не пошли, не иначе, как засаду почуяли! Где же лунатик? Что делать? Закричать? Так пока милиционеры со своих чердаков спустятся или вылезут из подвала! Уйдет ведь Белый, уйдет! И Гриша что-то далеко отошел. Ему скучно. Стоит под фонарем, объявления читает. Лизун лижет Владимиру руку. Большой Вовка встал со скамейки, набрал воздуха столько, сколько поместилось в рот, и хотел громко закричать, но от страха еле пискнул:

- Сдавайтесь! Руки вверх!
- Уходим, Белый! – шепнуло в темноте, и кусты затрещали.
- Вот еще! – послышалось громче, - Белый никого не боится! – и к Владимиру шагнула огромная тень. – Тебя-то я сейчас и застрелю.

Фигура в длинном пальто попала в полосу света, и большой Вовка разглядел черную маску на лице, длинный плащ и огромный сверкающий пистолет. Большому Вовке было не страшно, а очень страшно. Можно, можно было еще уйти, спрятаться под скамейку, но, подумав, сколько злодеяний планировал этот страшный преступник, маленький Владимир зажмурил глаза и смело шагнул под пулю. Последнее, о чем он подумал, было:

- Выстрел привлечет внимание товарищей, Белый не уйдет!

А потом думать вообще перестал. Раздался оглушительный выстрел, потом почему-то визг, потом топот ног, крики «Сдавайся! Ты окружен!» и лязг железа. Лунатик вернулся, стало хорошо

и спокойно. Владимир открыл глаза. Белый смиренно стоял в наручниках, Гриша и остальные склонились над собакой.

- Представляете! – кричал Гриша, - смотрю, Владимир с голыми руками, один на преступника идет! Точно пуля бы ему досталась! И тут Лизун – бах! – между ними! Хорошо, что Белый промахнулся, чуть-чуть лапу задел...

Владимир бросился к собаке. Шальная пуля вырвала на задней лапе клочок шерсти и прочертила на коже кровоточащую царапину. Кто-то уже бежал в машину за йодом. А Гриша вдруг сказал:

- Ну вот, все получилось, как нельзя лучше. Преступника взяли, а Лизуна можно теперь Владимиру отдать. Напишу справку, что собака получила ранение, несовместимое со службой в нашей доблестной милиции и отправлю на пенсию. А Владимиру это как бы премия за храбрость.

Отказаться было невозможно. Сам просил. Владимир прицепил к ошейнику поводок, и тут же у кровати Вовки шумно и горячо задышало, и мокрый собачий нос ткнулся в торчавшую из-под одеяла пятку.

- Ой, лунатичек, что будет! – заскулил Вовка.- Я, конечно, собаку не брошу, только теперь нас двоих мама из дома выгонит. Где мы жить будем? У бабушки?

- Не бойся! – веско запищал лунатик, - маму я беру на себя!

Вовка так переживал, что несколько раз ночью вскакивал, потому что боялся, что пса уже выгнали, но каждый раз его встречали жаркое дыхание и влажный язык. Под утро, поняв, что больше не заснет, Вовка сел на ковер рядом с Лизуном, чтобы досыта надышаться запахом его пушистой шкуры. Лунатик, конечно, человек слова, но все же не до конца человек, и маму знает не так хорошо, как Вовка. Вошла мама. Странно, посмотрев на собаку, она не упала в обморок, не закричала, не завела разговора о блохах и шерсти.

- Когда же ты это... его... ее... притащил?

- Вечером, мамочка. Я боялся, ты ругаться будешь, - прошептал Вовка.

- Нет, конечно, я не думала, что они такими большими могут быть, - с любопытством разглядывая собаку, протянула мама, - но уговор есть уговор.

Вовка воспрял духом и завизжал:

- Ой, мамочка, вот спасибо! – он бросился к маме и потянул за руку вниз, чтобы она нагнулась, и он смог бы ее поцеловать, - а они бывают ведь гораздо, гораздо больше!

- Ладно, надеюсь, что эта расти не будет, - проведя рукой по собачьей спине и сбросив на ковер клочок шерсти, ласково сказала мама.

- Нет-нет, мамочка, он уже взрослый! – поспешил заверить Вовка.

А вот появившийся на пороге папа, увидевший прелестную картинку, чуть сам в обморок не упал:

- Дорогая, - осторожно спросил он, - ты передумала насчет собаки?

Мама тут же нахмурилась:

- Это вообще обсуждению не подлежит! От собак шерсть, грязь, запах ужасный! И держать ее здесь негде! Вот будет квартира побольше...

- А кого ты гладишь сейчас? – допытывался папа.

- Черепаху, конечно, - с достоинством ответила мама. – Ты что, черепах никогда не видел? Просто это *очень* большая черепаха.

Папа сразу стал каким-то скучным и спросил у сына:

- Вовочка, кого гладит мама?

Папу, конечно, можно было понять. Он, наверное, думал, что мама сошла с ума. Но Вовка догадался, что без лунатика тут не обошлось, и как папу не жалко, для сохранения собаки не обойтись без вранья. Вовка, как учили в садике, твердо посмотрел папе в глаза и четко ответил:

- Мама гладит черепаху!

- Ну сам погляди! – механически собирая с ковра жесткие длинные волоски и сероватый пух, говорила мама, - черепаха – она и есть черепаха. От нее никакой грязи: ползает себе и э-э-э...

- Какает! – подсказал Вовка.

- Да! А вот интересно, сколько же такая большая черепаха э-э-э?

- Да нисколько! – закричал Вовка. – Э-э-э черепаха делает на улице! Вывел два раза погулять – и никаких забот!
 - Вот и хорошо! – успокоилась мама, - я, пока в садик тебя отвожу, заодно и с черепахой погуляю.
 - Подожди-ка! – засуетился папа, - я мигом!
- Он направился к книжной полке и вернулся с целым ворохом книжек для совсем маленьких детей. Судорожно перелистывая страницы, папа шептал:
- Сейчас, сейчас! Подождите минуточку. - А потом раскрыл книжку на рисунке с Тортиллой:
 - Ну-ка, кто это?
 - Черепаха! – хором ответили мама и Вовка.
 - Так, хорошо! – обрадовался папа, - а вот это кто? – и он показал им рисунок с криволапым таксиком.
 - Собака! – заявила мама, и Вовка тут же ее поддержал. Первому отвечать не хотелось. Кто знает, может, маме все собаки черепахами кажутся?
 - Ну ладно, - не сдавался папа, пойдем к окну, поглядим.
- Он подтолкнул маму и Вовку к окошку, где какой-то дяденька выгуливал немецкую овчарку, точь-в-точь похожую на Лизуна, только хуже, потому что Лизун – лучше всех.
- Кто это, кто? – в отчаянии спрашивал папа.
- Мама отмахнулась:
- Откуда я знаю? Какой-то мужчина незнакомый. Мы в садик опаздываем!
 - А с кем мужчина? – допытывался папа.
 - С собакой. Овчаркой.
 - А вам не кажется, что эта овчарка очень на нашу черепаху похожа?
 - Глупости! – рассердилась мама, – опоздаем из-за тебя. Да и самому на работу пора.
- Мама прицепила к ошейнику поводок и повела черепаху на прогулку.
- Вчера разговор о работе даже не зашел, и Вовка с нетерпением ждал, когда же мама его заберет, и можно будет вволю наиграться с Лизуном. Мама пришла пораньше, потому что тоже беспокоилась о своей черепахе. Из сумки у нее свисали листья салата и пучки укропа.
- Вот, черепахе купила! – похвасталась мама, - она крупная, ей уйма зелени нужна. Дорого, конечно, да ничего: скоро весна, будем на травку выпускать.
 - Не надо ей травки, - посоветовал Вовка, - она ест все: кашу там, суп. Эта порода такая, я спрашивал.
- Черепаха чуть с ума не сошла от радости, когда пришли хозяева. Она визжала, прыгала, махала хвостом и даже тумбочку уронила. Мама тоже, видно, по черепахе скучала, потому что ласкала и гладила ее целый час. А потом пришел папа и все сели ужинать. Лизуну налили супу в миску, он быстро ее опустошил и загавкал: мол, добавки хочу.
- Какая умница! – умилилась мама, - надо же, не человек, а ведь умеет дать понять, чего хочет. И она плеснула в миску еще поварешку.
 - Дорогая, - снова завел папа, - тебе не кажется странным, что черепаха лает?
- Мама ужасно рассердилась:
- Ну что ты, в самом деле, привязался к черепашке! Все тебе ей в ней не нравится! Животных надо любить и ухаживать за ними. Одевайся, Вова, пойдем на прогулку.
- Вовке совсем не нравилось, что папа с мамой начали ссориться, но как это исправить, просто не представлял. На бульваре было много собачников.
- Ого, нашего полку прибыло! – радостно приветствовали они Лизуна.
 - Так Вы, Татьяна Николаевна, решились все-таки собаку завести? Да еще такую крупную? Отличная овчарка, в клубе, небось, брали? – спросил сосед по площадке, Петр Геннадьевич.
- А стоящий за кустом противный коротышка Никанор Иванович из пятого подъезда, еле сдерживающий готового разорвать на куски весь мир злобного добермана Гошу, посоветовал:
- Вы его сразу на дрессировку отдайте, чтобы кусаться научился!
- Все отвернулись, потом что Никанора Ивановича никто не любил, и еще потому, что помнили Гошу ласковым и милым щенком.

- Испортил собаку, и другим советует, - негромко произнес Петр Геннадьевич, а мама прижала руки к вискам, как будто у нее вдруг разболелась голова и раздраженно крикнула:

- Ах, вы меня все просто с ума сведете! Не овчарка у меня и вообще, не собака. Это черепаха крупная. Иди Лизунчик, побегай!

Отцепив поводок, она потрепала пса по спине, и черепаха, завиляв хвостом, побежала играть с новыми приятелями.

Вечером Вовка вертелся в кровати, невольно прислушиваясь к разговору в соседней комнате.

Папа негромко уговаривал маму:

- А вот посмотри, какие я фотографии принес! Тут и собаки есть, и черепахи. Вот скажи мне, кто это?

- Отстань! – резко ответила мама. – Черепахи, собаки. Надоело. Завтра к врачу пойдешь!

Только в ухе пискнуло, Вовка набросился на лунатика:

- Что ты наделал? Теперь папа считает, что мама и я сошли с ума, мама думает, что с ума сошел папа, а все собачники, что мама сумасшедшая! А потом, вот улетишь ты, мама все равно правду о Лизуне узнает и выгонит его!

- Ой, извини, но по-другому никак не выходило. Ты не волнуйся, мама уже завтра начнет в собаке собаку видеть. А выгнать не сможет, потому что любит.

Учитель.

Проснувшись, Вовка с удовольствием прислушивался к тихим голосам за стеной:

- Прости, дорогой, не знаю, что на меня нашло вчера. Я не буду спорить, наша черепаха сегодня действительно на овчарку смахивает: и хвост длинноват, и шерстка на панцире растет. Но не будем же мы из-за этого ссориться! Вон, у Трифоновых вообще собака без шерсти, так и называется – голая перуанская собачка, и ничего: любят ее так же, как мы нашу волосатую черепаху.

- Конечно, конечно, - ворковал папа. – Знаешь, я ведь сегодня тоже ясно вижу - есть в этой собаке что-то от черепахи: тоже серая, и ног, как у черепахи, четыре штуки.

На сегодня Вовка заказал работу учителем. Быть учителем – круто! Жалко, лунатик вакансии в старших классах не нашел! Как было бы здорово – здоровенных лбов спрашивать, что хочешь, и ставить им двойки! Особенно бы досталось пятикласснику Витьке Петрову, который вечно задирает Вовку во дворе. Увы, замещать пришлось заболевшую учительницу первого класса, и Вовка, которому оставалось до школы совсем чуть-чуть, за любой ответ раздавал направо и налево пятерки. Ему было жалко этих малышей, некоторые из которых оказались даже младше него, потому что пошли в школу с шести лет. Его в садике кормят три раза, укладывают спать, водят на прогулку. Занятия есть, конечно, но разве со школой сравнишь! Лунатик вел себя прекрасно, отлучился всего на несколько минут на уроке арифметики, и Владимир неправильно посчитал, сколько будет одиннадцать минус четыре. У него получилось три, но дети, такие молодцы, решили, что учитель шутит, и с удовольствием его поправили. В садике занятия совпали с уроком родной речи в школе, и Вовке удалось блеснуть перед группой, прочитав наизусть «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина. Наизусть ее Вовка, конечно, не знал, но так как Владимир в школе читал про жадную старуху и безвольного старика детям, Вовке оставалось только повторять за ним. Ольга Михайловна долго хвалила чтеца и спросила, знает ли он еще какие-нибудь стихи, но Вовка забыл даже стихотворение про елку, которое учил к Новому году, поэтому Ольга Михайловна стала сама читать грустное и страшное стихотворение «Анчар», где бедный раб умирает от смертельного яда. Владимир, устав читать длинную сказку, видимо решил отдохнуть, и поэтому предложил ученикам самим рассказывать, кто чего помнит из Пушкина. Одна девочка рассказала о золотом петушке, правда без стихов, но все равно здорово, другая прочитала красивое стихотворение «Я помню чудное мгновенье», в котором было много непонятных слов, а потом встал толстый мальчик с последней парты и басом спросил: «О поле, поле кто тебя усеял мертвыми костями?» Владимир так и покатился со смеху, и Вовка в садике

тоже захихикал. Видно, оба представили себе поле, усеянное *живыми* костями. Ну да, кости живые, и они не лежат себе спокойно, как положено, а скачут в разные стороны, уворачиваясь от бегущей по полю собаки. Владимир хохотал, вытирая катящиеся из-под очков слезы клочком ваты, подхваченной в больнице, Вовка корячился на стуле, пытаясь смеяться не очень громко. Ольга Михайловна мужественно дочитала стихотворение про ядовитое дерево и строго спросила: - Ну, и чего смешного в том, что человек умер?

Вовка, слушавший про анчар невнимательно, объяснил ей, что в смерти человека ничего веселого, конечно, нет, но вот что кости его прыгают, это прикольно. Ольга Михайловна пожалала плечами и отправила Вовку в медпункт, мерить температуру. Температура была нормальная, а вот в школе дела шли не очень хорошо. Владимир, превратившийся в маленького Вовку, очень нравился ученикам, особенно тем, что остальные уроки на сегодня были отменены, в журнале у каждого до конца месяца стояли корявые пятерки по всем предметам, а первоклашкам было дано задание строить и запускать в классе самолетики. Веселье было в самом разгаре, когда в класс заглянул директор школы:

- Что это тут у Вас, Владимир Павлович, творится? – грозно нахмурившись, спросил директор. Я понимаю, Вы специалист молодой, но ведь опыт работы у Вас уже есть, судя по документам, которые Вы мне показывали.

Большой Вовка испугался и залопотал:

- Простите меня, пожалуйста, я больше не буду, честное слово! Только маме не рассказывайте!

Директор стоял, хватая ртом воздух, вверенные Владимиру ученики смеялись, самолетное облако опускалось на пол, парты, голову и плечи директора и учителя. Внезапно Владимир приосанился и заговорил твердо и уверенно:

- Понимаете, у нас идет обучения по новой, прогрессивной методике. Да, я несколько забежал вперед, в раздел физики, и на наглядном материале объяснял детям законы сопротивления воздуха и значения восходящих потоков, но, понимаете, дети сейчас настолько развиты, а школьная программа отстает! Если шум мешает процессу обучения в других классах, мы возьмем другой наглядный материал.

Директор, нахватавшийся воздуха, боком протиснулся в коридор, бормоча про себя: «Ну надо же, физика – в первом классе! Наглядные самолетики! Надо мне на курсы повышения квалификации походить».

Остальные уроки прошли тихо: дети обучались геометрии, рисуя в квадратах крестики и нолики. Под конец рабочего дня Владимир, не привлекая внимания, отнес в учительскую разбухший от пятерок журнал, получил расчет, за один присест умял целый брикет мороженого и был «исчезнут».

Ольга Михайловна удивила и порадовала Вовкину маму, рассказав о его исключительной памяти на стихи, но для мамы Вовка, как ни старался, кроме «жили-были старик со старухой у самого синего моря» ничего вспомнить не смог. В качестве оплаты за отработанный день Вовка потребовал яблоко. Во-первых, полезно, а, во-вторых, на утренний аппетит фрукты никак не влияют.

- Кушай, дорогой, - ласково и грустно одновременно пропищал лунатик, вкладывая в протянутую Вовкой руку просто невозможно огромное яблоко. – Кушай, и сразу – спать.
- Как это сразу спать, - надкусив брызнувшее соком яблоко, возмутился Вовка. - А завтра кем работать? Я бы хотел водолазом попробовать!
- Не выйдет.
- Тогда проводником в поезде, или пожарным.

Лунатик вздохнул-всхлипнул так горько, что Вовке сразу стало ясно: пришел час расставания.

- Ты улетаешь? Да?

- Да, да, да! – безнадежно и горестно зазвенело в ухе, и там стало сначала влажно, а потом и мокро. – Я уже час назад должен был на орбиту выходить, куча народа из-за меня задерживается! Хотелось попрощаться с тобой и по-человечески, и по-лунатски, когда никто мешать не будет. Я буду с тобой, пока ты не уснешь, и пусть мне потом разбор полетов устраивают, наплевать! И следы того, что я был на Земле, убирать не буду, даже добавлю!

Рядом с надкусанным яблоком появилась горстка беловатой пыли. Именно так и представлял себе Вовка лунный грунт. Вовка тихонько заплакал, хотя хотелось реветь во весь голос, сжимая этого невидимого, любимого, дорогого лунатика в объятиях.

Пока Вовка, наплакавшись, не уснул, лунатик, ни на минуту не замолкая, пел ему лунные песни, рассказывал лунные сказки, и, самое главное, он обещал вернуться. Может, не скоро, но к тому времени, когда Вовка вырастет и пойдет работать, точно. И говорил о том, что у Вовки прекрасные задатки, и, кем бы он не стал, он будет в своей профессии лучшим, и ему, лунатику, будет чему поучиться у Владимира Павловича.

Утром Вовка убрал на вечное хранение в коробочку со своими сокровищами огрызок яблока и горсточку легкого порошка - следы пребывания на Земле лунного гостя.